

Николс М. Х.
(Урбана, США)

Перевод М. В. Черняковой

ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИЯ ЛИНКОЛЬНА¹

УДК 970

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. Одно из лучших исследований широко известного американского специалиста по риторической критике политических текстов Мари Николс впервые переведено на русский язык. Первая публикация на английском языке – 1954 год.

Ключевые слова: Риторическая критика; инаугурация; Линкольн; политическая коммуникация; президентские выборы.

Сведения об авторе: Николс, Мари Х.

Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Сведения о переводчице: Чернякова, Мария Вячеславовна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук

Место работы: Челябинский государственный университет,

Должность: доцент

Контактная информация: г. Челябинск, 454084, Свердловский пр., 35А-22

E-mail: maria_sorokina@mail.ru

Nichols M. H.
(Urbana, the USA)

Translated by M. V. Chernyakova

LINCOLN'S FIRST INAUGURAL

Abstract. One of the best studies of a renowned American specialist is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in 1954.

Key words: Rhetorical approach; rhetorical criticism; branch of rhetoric; Lincoln; political communication

About the author: Nichols M. H.

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

About the translator: Chernyakova, Maria Vladimirovna

Academic degree, academic status: candidate of filological sciences

Place of employment: Chelyabinsk State University, Translation Theory and Practice Department Position: associate professor

Часть I

«В Вашингтон весна всегда приходит незаметно», – заметил поэт-историк Карл Сэндберг. «В начале марта зеленый оттенок травы становится ярче, магнолия становится мягкой. Распускаются вязы и каштаны. Бутоны и сирень подготавливаются к скорому цветению. Физическая близость и рождение новой жизни во всех уголках, освещаемых солнцем продолжают, не зависимо от чего-то или кого-то, кто планирует и выступает действующими лицами за скрытыми стенами бюро и ведомств».² Весна 1861 года была немного не похожа на предшествующие в физическом плане. Несомненно, рассвет 4 марта ничем не отличался от рассветов всех прошлых лет этой же даты: что-то среднее между просветлением и облачностью. На рассвете тучи висели темным и тяжелым облаком в небе. Рано утром поморосил дождь, буквально несколько капель, которых было достаточно только для того, чтобы прибить пыль. Северо-западный ветер подмел перекрестки до Пенсильвания-авеню. Погода была прохладной и бодрящей, в общем, «располагающей к запланированным на этот день церемониям».³ Вышло солнце.

Даже если, в целом, весна пришла как обычно «незаметно», было что-то еще, что име-

ло тот же самый ритм. Из глубины самой зимы возник какой-то странный голос президента Бьюкенена, который спрашивал: «Почему... это недовольство сейчас так широко преобладает, а союз Штатов, который является источником всех этих благодеяний, находится под угрозой уничтожения?»⁴ Духовно и морально этот город и вся страна, в целом, были как расстроенный музыкальный инструмент, какофоничный и диссонирующий.

Раздастся ли сегодня голос из мрака, который приведет все в гармонию, этакого «оратора Запада», который возьмет власть в свои руки? «За облаком спокойно светит солнце», – сказал Авраам Линкольн три недели до этого, когда его поезд шел по извилистому пути через прерии штата Иллинойс, унося его по «делам государственной важности, сопровождающимися значительными трудностями».⁵ Конечно, начало проблем в государстве не были неожиданным. Только еще год назад, страна «занимала высокое положение по всем своим материальным интересам»⁶. Урожаи были богатыми, и достаточно благоприятными по всей стране. Но на протяжении сорока лет возникло скрытое беспокойство. В самом начале 1820 года случайный голос побудил к необходимости отделения. Повторно в 1850 году голоса возникли с

¹ Первая публикация на английском языке: в книге «Речи Америки». Эд. Вэйлэнд Максфилд Пэрриш и Мари Хокмут Никольс. (Нью-Йорк, «Дэвид МакКэй», 1954 г.) стр. 6-100.

² Карл Сэндберг, «Авраам Линкольн: Годы Войны» («Харкорт, Брейс и Ко.», 1939 г.), I, 120.

³ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

⁴ Джеймс Бьюкенен «Четвертое ежегодное послание», 3 декабря 1860 г., Труды Джеймса Бьюкенена, собранные и опубликованные Джоном Бассетом Муром (Филадельфия, «Дж. Б. Липпинкотт Ко.», 1910 г.), XI, 7.

⁵ «Речь в Толоно», Иллинойс, 11 февраля 1861 г., как написала «Дэйли Трибьюн», 12 февраля 1861 г., стр. 5, кол. 3.

⁶ Бьюкенен, цитата

большой силой, после того, как были приобретены новые территории Мексики. Затем в 1854 году последовала отмена Миссурийского Компромисса, гражданская война в штате Канзас, борьба Самнер и Брукс в Сенате в 1856 году, решение по делу Дреда Скотта в 1857 году, а также эффективное нападение Джона Брауна на Харперс-Ферри в 1859 году, что все в совокупности привело к беспорядкам, беспокойству и угрозам распада, по мере увеличения мнений об отмене рабства. Наконец, наступили выборы 1860 года, и оказалось, что Север «превзошел могущественную пирамиду несоюзных чудовищных ошибок, выбрав Авраама Линкольна Президентом, на основе и системой, которая показывает ничего кроме поклонения Югу, и полный распад своих социальных, политических и промышленных институтов»⁷. Дело не только в том, что Линкольн был выбран президентом, а в том, что «большинство», проголосовавшее за него, было «более значимым и призывающим думать, как никто и ничто другое, даже сами выборы, что безошибочно говорит об их ненависти к Югу, который управляет и контролирует массы численно большей части Конфедерации»⁸. По мнению Сенатора от Северной Каролины Клингмана «выборы были замечательным, отличительным и опасным событием, который наполнил мою территорию тревогой и страхом за будущее», т.к. Линкольн одержал победу на выборах, «потому что он имел славу опасного человека», открыто признавая принцип «непрекращающегося конфликта»⁹. Обозреватели Ричмонда прокомментировали этот факт тем, что партия, «основанная на едином мнении, уникальном чувстве ненависти к рабству африканского народа» была «сейчас контролирующей силой в этой Конфедерации», и отметили, что вопрос «Что делать...должен задать себе каждый»¹⁰. В городе Чарльстон, штат Северная Каролина, новость об избрании Линкольна была встречена с большой радостью и «продолжительными одобряющими возгласами в адрес Южной Конфедерации»¹¹.

Едва прошло больше месяца, когда Северная Каролина начала движение по отсоединению. 10 ноября 1860 года два сенатора этого

штата сложили свои полномочия в Сенате Соединенных Штатов, а 20 декабря был принят Указ об отсоединении»¹², принес с собой пробудившиеся демонстрации мятежников по всему Югу.¹³ К первому февраля нового года Миссисипи, Флорида, Алабама, Луизиана, Техас и Джорджия «отменили, аннулировали и отказались» от своего членства в Союзе, приняв указы об отсоединении, выступая «в готовности противостоять силой любым попыткам сохранить верховенство Конституции Соединенных Штатов»¹⁴. Другие рабовладельческие штаты имели «полунейтральную» позицию, говоря, что их верность Союзу может быть защищена только в случае предоставления гарантий от заблуждений, на которые они жаловались, и опасностей, которых они боялись.¹⁵ Уже к концу 1860 года, мятежники в Чарльстоне захватили здание почты, федеральные суды, таможни, и форты Замка Пинкни и Молтри.¹⁶

Покидание знакомых мест сенаторами не обошлось без шума и фанфар. Тогда, 31 декабря, когда Сенатор штата Луизиана Юда Бенджамин сообщил о желании произнести прощальную речь об отсоединении, «каждый угол был заполнен людьми»¹⁷ в здании Сената. Его заключительная речь о том, что «вы никогда не сможете подчинить нас; вам никогда не превратить свободных сыновей земли в вассалов...никогда, никогда не сможете унижить их до самого низкого уровня и рабской нации. Никогда! Никогда!»¹⁸, приветствовалась с галерей здания «позорными аплодисментами, криками и шумом»¹⁹. Освобождая галереи из-за беспорядка, уходя, люди ворчали: «Теперь точно начнется война», «Проклятые Аболиционисты», «Авраам Линкольн никогда сюда не приедет»²⁰. Критики, наблюдавшие государственный скандал, отметили, что «Президент...вступает в одну из самых важных и ответственных должностей, которая никогда не возлагалась ни на кого, ни в этой стране, ни в любой другой стране мира. Никто из его предшественников не был вынужден противостоять даже и половине тех опасностей или нести государственную службу на половину легче, чем все то, что бросает ему вызов у самого начала его Правления»²¹. Январь 1861 года наступил, не принес с собой никакой надежды, а лишь небольшую возможность прекратить волнения. Изредка

⁷ «Нью Орлинз Дейли Кресцент», 13 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, отредактировано Двайтом Лоуэллом Дамондом (Нью-Йорк и Лондон, «Сенчури Ко.», 1931 г.), стр. 237

⁸ «Нью Орлинз Дейли Кресцент», 12 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, р. 228

⁹ Речь Сенатора Томаса Л. Клингмана из штата Северная Каролина в Сенате, 3 декабря 1861 г. Конгрессионал Глоуб, Второе заседание, 36-го Конгресса, Том 30, стр. 3.

¹⁰ «Ричмонд семи-уикли экзаминаер», 9 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии. стр. 223.

¹¹ «Дэйли Геральд», Уилмингтон Н. С., 9 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии. стр. 226

¹² Дэниэль Уэйт Хоу. «Политическая история сессии» (Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз», 1914 г.), стр. 449

¹³ Дж. Г. Рэндалл, «Президент Линкольн» (Нью-Йорк, «Додд, Мид и Ко.», 1945 г.), I, 215

¹⁴ «Нью-Йорк Таймс», 11 февраля 1861 г., стр. 4, кол. 2

¹⁵ Там же

¹⁶ Рэндалл, цитата.

¹⁷ «Нью-Йорк Таймс», 1 января 1861 г., стр.1, кол. 1

¹⁸ «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 217

¹⁹ «Нью-Йорк Таймс», 1 января 1861 г., стр. 1, кол. 1

²⁰ Там же

²¹ «Нью-Йорк Таймс», 11 февраля 1861 г., стр. 4, кол. 2

газеты насмехались над рекомендацией «Ричмонд Энквайер» о том, что вооруженные силы, наступающие из штатов Виргиния и Мэриленд, должны захватить округ Колумбия и предотвратить мирную инаугурацию Авраама Линкольна, сбрасывая это со счетов, в виду «преувеличенной политической риторики».²² Столица государства была окружена слухами, шумом, случайными попытками найти компромисс и общими беспорядками. «Я провел часть прошлой недели в Вашингтоне, - писал корреспондент из города Балтимора, - и никогда еще со дней Иерихона (точное соответствие оригиналу), не слышал, чтобы так часто трубили в горн, как это случается сейчас в этом растерянном городе. Если шум и крики могли свергнуть Конституцию, мы можем вполне ожидать ее падения перед пустыми вздохами, принужденного дыхания, которое потрясает и вибрирует со всех сторон». Почти везде он встречал «несдержанных и встревоженных сторонников беспорядка и неразберихи». «Слова о войне, отсоединении и разъединении были на всех устах; и никто не предлагал надежды на компромисс или урегулирование. Преобладающий голос Вашингтона был на стороне Юга».²³

В то время, как отсоединение быстро продвигалось на Юге, Уэнделл Филлипс заявил в Бостонском Мюзик Холле, что он надеялся на то, что все рабовладельческие штаты выйдут из состава Союза.²⁴ Хорейс Грили, потеряв терпение после сорока лет угроз со стороны Юга, назвал «союз силы – союзом, соединенным штыками», и добавил «нет преград для их мирного отступления».²⁵ В то же время, однако, некоторые предлагали компромисс. 18 декабря Сенатор штата Кентукки Криттенден выступил с вариантами компромисса в Сенате²⁶, но его акция не была многообещающей. А когда 7 января Сенатор штата Джорджия Тумбс выступил с «шумной и напыщенной речью об отсоединении, то по окончании раздался шторм аплодисментов и свиста, которые продолжались еще некоторое время», «призыв спасти страну», «высказанный Криттенденом, представленный в «хорошем тоне», создал «незначительную или никакую дополнительную поддержку этой меры по компромиссу».²⁷ Пока Криттенден обращался к Сенату, мирная конференция собралась в Вашингтоне по приглашению штата Виргиния с

заявленной целью «обеспечить население рабовладельческих штатов соответствующими гарантиями по защите их прав».²⁸ Несмотря на то, что депутаты собрались и занялись делом, в конечном счете, предоставив Сенату ряд резолюций, с самого начала казалось, что «никаких значительных результатов не будет».²⁹ Было очевидно, что сочувствие пограничных штатов, которые еще не отсоединились, «были на стороне тех, кто уже это сделал».³⁰ В конце концов, предложения были отвергнуты Сенатом, также как и резолюции Криттендена, в последние дни работы Конгресса. Общая картина сложилась такая, что это была эра «долгих разговоров и почти бездействия», мрачный сезон споров с «тучами пыльных и сплошных ливней риторики», что это было государство, пытающееся жить «только болтовней», «государство до жалости погрязшее в разговорах».³¹

Когда 11 февраля Линкольн покинул город Спрингфилд, направляясь в Вашингтон, другой Президент, Джефферсон Дэвис, избранный 9 февраля, направился в вновь созданную Южную Конфедерацию, ехал из Миссиссиппи на Монтгомерию Конвенцию рабовладельческих штатов, чтобы помочь завершить акт отсоединения, его поездка сопровождалась «одной непрекращающейся овацией».³² «Время компромисса прошло», – заметил Дэвис, когда он остановился на станции Монтгомери, чтобы обратиться с речью к народу, – «и сейчас мы намерены держать нашу позицию, и заставить всех, кто сопротивляется нам, почувствовать запах Южного пороха и ощутить на себе южную сталь».³³ Очевидно, что народ мог бы согласиться с тем, что Линкольн получил в наследство «противоречивую массу дилемм».³⁴ Получится ли у него «принудить» отделившиеся штаты и попросить восстановления федеральной собственности, находящейся во владении мятежников? Поддастся ли он давлению «со всех сторон» и «расколу на фракции его собственной партии», согласившись на «продление» рабства, практически ниже линии 36° 30'? Послушается ли он «пойти на компромисс» Республиканцев в Сенате и только «притвориться», что пошел на компромисс, «чтобы не показаться упрямым и бесчувственным к жалобам Рабовладельцев?»³⁵ Будет ли он поддерживать платформу Республиканцев в Чикаго, жесткую по своей структуре, лежащую на принятии ад-

²² «Нэшнэл интеллидженсер» (Вашингтон), 3 января 1861 г., стр. 3, кол. 2

²³ «Нью-Йорк Таймс», 15 января 1861 г., стр. 1, кол. 5

²⁴ «Нью-Йорк Таймс», 21 января 1861 г., стр. 1, кол. 4, см. также полный текст речи там же, стр. 8, колонки 5 и 6, стр. 5 колонки 1 и 2.

²⁵ Хорейс Грилей, «Воспоминания о бурной жизни» (Нью-Йорк, «Дж. Б. Форд и Ко.», 1868 г.), стр. 398

²⁶ «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 112-14.

²⁷ «Нью-Йорк Таймс» 8 января 1861 г., стр. 1, кол. 1, см. также «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 267-71.

²⁸ Хоу, цитата, стр. 465

²⁹ Там же, стр. 467.

³⁰ Там же, стр. 467.

³¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 13 марта 1861 г., стр. 4, кол. 4.

³² «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 18 февраля 1861 г., стр. 5, кол. 6

³³ Там же, стр. 5, кол. 6.

³⁴ Там же, 4 марта 1861 г., стр. 4, кол. 2.

³⁵ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 18 февраля 1861 г., стр. 6, кол. 1.

министрацией Демократов принципа, что личные отношения между хозяином и рабом, включали в себя «незаконное владение людьми?»³⁶ Будет ли он поддерживать часть платформы, которая обещала «поддержание ненарушения прав штатов, а особенно права каждого штата контролировать и управлять своими внутренними институтами согласно исключительно только своих решений?»³⁷ Было ли мнение, что он часто выступал представителем настоящего Линкольна: «Дом, разделившийся на противоположное мнение, не может устоять?»³⁸

4 марта, т.к. газеты заранее предупредили о том, что должно было произойти в течение этого дня, была нота страха и неопределенности относительно безопасности избранного Президента, наряду с общим нетерпением услышать основные пункты плана действий Линкольна на его инаугурации. «Великое событие, которого многие ждали с нетерпением, которое взбудоражило надежды и страхи страны до размера, не имеющего аналогов в своей относительно короткой истории, случится именно сегодня», - писала газета «Нью-Йорк Таймс». «Это событие собралось в Федеральной столице толпу людей, большую по своим размерам, чем те, которые когда-либо там собирались по разным другим случаям в прошлом...

Будет ли оно омрачено каким-нибудь печальным происшествием, конечно, можно только догадываться, хотя имеются серьезные опасения на этот счет».³⁹ Пока приезд в Вашингтон пытались взглянуть на бушующий Сенат с его продолжающимся всю ночь заседанием, Генерал Скотт и его советники вместе планировали предпринять «самые лучшие меры предосторожности» по предотвращению «любых нападений на процессию или демонстрацию против личности господина Линкольна».⁴⁰ Слухи о присутствии «большой банды «Хулиганов» из города Балтимора»⁴¹ свободно ходили по городу. Были ли они в Вашингтоне для того, чтобы напасть на Президента или «создавать тревогу и грабить частных лиц»⁴², обсуждалось всеми. Какая бы не была причина, по которой Генерал Скотт и его советники решили оставить все как есть и не переделывать, что касается охраны безопасности избранного Президента. Отряды стрелков были спрятаны на крышах основных

зданий на Пенсильвания-авеню. Был отдан приказ стрелять в случае угрозы президентскому кортежу. Была также обычная кавалерия для охраны перекрестков смежных улиц, которая двигалась вместе с процессией. Из окон здания Капитолия стрелки держали под прицелом платформу для инаугурации. Генерал Скотт следил за церемонией с вершины холма, командуя северным входом в Капитолий, готовый лично командовать батареей конных артиллеристов, стоящих здесь на позиции. Окружная милиция (гвардия) в три шеренги должна была окружить платформу, чтобы держать толпу на расстоянии от нее. Вооруженные детективы в гражданской одежде должны были раствориться в огромной толпе народа.⁴³

Событие должно было показаться странным человеку, привычному к тому, что его носят на руках его почитатели во времена его агитационных ораторских выступлений на Западе и, что его считают идиолом многочисленных факельных шествий во время борьбы с «Маленьким гигантом» во время бурных дебатов в 1858 г. Даже близлежащая территория Капитолия, где начала собираться толпа народа, имела довольно незнакомый вид, по сравнению с годами, когда он был конгрессменом в 1847 и 1848 годах. «Старый купол так знакомый Конгрессмену Линкольну в 1848 году был сбит и снят», - заметил Сэндберг. «Кованое железо на территории Капитолия, молотки, лебедки, винты, подмости, краны, стремянки, подпорки, канаты говорили о том, что они перестраивали, расширяли, улучшали строение 4 марта 1861 года». «На склоне лужайки напротив здания Капитолия находилась бронзовая статуя Свободы в форме массивной, могучей женщины, которая в одной руке держала меч, олицетворяя власть, и венок цветов в другой руке, олицетворяя победу. Еще не поставленная на свой пьедестал статуя, смотрелась неуместно. Ее должны были поднять и установить на вершине купола Капитолия, возвышаясь над Потомак Вэлли, а сам купол должен был быть сделан специально для статуи».⁴⁴ По случаю плотники установили временные площадки напротив крыла Сената с небольшим козырьком над столом спикера.⁴⁵ Толпа загрозила все проходы, ведущие к территории здания Капитолия, заметил очевидец происходящего, «в то время, когда всеобъемлющий горизонт, расширяю-

³⁶ М. Халстед, «История национальной политической конвенции сегодняшней кампании по выбору Президента», Колумбус, Огайо, «Фоллетт, Фостер и Ко.», 1860 г.), стр. 138.

³⁷ Там же

³⁸ «Дом разделенный», Речь, произнесенная в Спрингфилде, Иллинойс, на закрытии Республиканской государственной конвенции, 16 июня 1858 г., Авраам Линкольн «Его устные выступления и сочинения», под редакцией с критическими и аналитическими замечаниями Роя П. Баслера (Кливленд, Огайо, «Уорлд Паблишинг Ко.», 1946 г.), стр. 372.

³⁹ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 4, кол. 1

⁴⁰ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. См. также Сэндберг, «Годы войны», I, 120-21; Рэндалл, «Президент Линкольн», I, 293, 294; Уильям Е. Барингер, «Разделяющий дом» (Спрингфилд, Иллинойс, «Ассоциация Авраама Линкольна», 1945 г.), стр. 331-34; «Дневник общественного деятеля», Вступительная часть Ф. Лауристана Булларда, предисловие Карла Сэндберга (Чикаго, частное издание для книжного магазина Авраама Линкольна, 1945 г.), стр. 73, 74; Кларк Е. Карп, Стивен А. Дуглас, «Его жизнь и государственная служба, выступления и патриотизм» (Чикаго, «А. С. МакКлерг и Ко.», 1909 г.), стр. 123.

⁴⁴ Сэндберг, «Годы войны», I, 120

⁴⁵ Барингер, цитата, стр. 333.

щийся с восточной стороны Капитолия, был одним огромным черным морем голов». ⁴⁶ Там было где-то между 25000 и 50000 тысяч людей, ожидающих с надеждой ⁴⁷. «Дамы выглядели из всех окон северной части Капитолия. Каждое дерево несло свою ношу горящих глаз. Каждый забор и площадка, груда строительных материалов, приготовленных для перестройки Капитолия, были «преимущественными» для полного состава наблюдателей». ⁴⁸ Было видно, что «почти не было ни одного южного лица» ⁴⁹ в толпе, «судя по отсутствию длинноволосых мужчин». ⁵⁰ Толпа, ожидавшая окончания присяги Вице-Президента, которая проводилась в палатах Сената, развлекалась маршевой музыкой и «шутками сумасшедшего, который взобрался на высокое дерево перед Капитолием и выступил с длинной политической речью, заявив, что он законный Президент Соединенных Штатов». Полицейские получили приказ спустить его с дерева, но он еще немного вскарабкался наверх и «стоял, качаясь на ветру, и выступил еще с одной речью». ⁵¹ Церемонии внутри помещения завершились, появились основные лица. Авраам Линкольн шел рядом с Джеймсом Бьюкененом.

Как только Линкольн и Бьюкенен заняли свои места справа от трибуны, Главный Судья Тейни, который вскоре приведет к присяге вступления в должность Президента, занял место слева. Многие из присутствующих видели Линкольна впервые. «Честный Эйб Линкольн» так называли его на его родине или просто «Старина Эйб», как кричали на Чикагском «Вигваме» тысячи людей, приветствуя и раскачивая балки, как «поток сильного ветра во время шторма» ⁵², когда выдвинули его кандидатуру. Уолт Уайтмен считал, что «четыре гения, четыре силы и рук понадобятся для того, чтобы завершить написание будущего портрета этого человека — глаза и ум и прикосновения Плутарха и Эсхила и Микаэля Анджело с помощью Рабле». ⁵³ Если бы и предпочел какое-либо описание себя, писал Линкольн два года назад до этого, «оно говорило бы о том, что мой рост почти шесть футов четыре дюйма, худощавого телосложения, средним весом сто восемьдесят фунтов, темный цвет лица, непослушные черные волосы и серые глаза. Ни каких других отличитель-

ных черт не наблюдается». ⁵⁴ Он «не был красавцем», считал Херндон его партнер по юридическим делам, «не был он и уродом: он был простым человеком, не закомплексованным на своем внешнем виде, простой внешности, простых действий». Но у него было «то внутреннее качество, которое отличает одного человека от другого». ⁵⁵ «Я никогда не видел более задумчивого лица», — заметил Дэвид Лок. — «Я никогда не видел такого благородного лица, я никогда не видел такого печального лица». ⁵⁶ Эмерсон нашел в нем «величие и силу абсолютной простоты», когда он слышал его выступления, видел сияние его маленьких серых глаз, слышал звучание его голоса и наблюдал за его лицом, сияющим и казавшимся, что он «осветил всех собравшихся своим светом». ⁵⁷ «Авраам Линкольн: один из природных аристократов», — так иногда называли его, произнося тосты в его честь. ⁵⁸

«К сожалению», — заметил ученик Линкольна Дж. Г. Рэндалл, — «Линкольна не так хорошо знали, как на Севере, так и на Юге, в марте 1861 года. Если бы люди более полно понимали его размышления по управлению, почтению к закону, мирные намерения и полное отсутствия секционной ожесточенности, большую часть трагедий можно было избежать». ⁵⁹ «Добрый, милосердный и справедливый!» ⁶⁰ — написал в итоге Вильям Каллен Брайант. Но сейчас в 1861 году было что-то, что многим было неизвестно о Линкольне. Правда то, что после дебатов Линкольна и Дугласа, он сыскал известность за пределами своего штата. «Чикаго Демократ» обратила внимание на тот факт, что «имя г-на Линкольна упоминалось в газетах и публичных собраниях за пределами Штата в связи с Президентством и Вице-президентством, поэтому Честного Старину Эйба уважали не только в его Штате». «Даже его оппоненты открыто признавались в любви к этому человеку, не смотря на то, что ненавидели его принципы». ⁶¹ Еще раз «Иллинойс Стейт Джорнал» стал гордиться тем, что написал о

⁵⁴ Линкольн Дж. У. Феллу, Спрингфилд, Иллинойс, 20 декабря 1859 г., «Полное собрание сочинений Авраама Линкольна», под редакцией Джона Г. Николэй и Джона Хэй (Нью-Йорк, «Тэнди Томас Ко.», 1905 г.), V, 288, 289.

⁵⁵ Херндон, отрывок, в цитате Рэндалла, цитата, стр. 28.

⁵⁶ «Воспоминания об Аврааме Линкольне выдающихся людей его времени», собраны и отредактированы Алленом Торндайком Райсом, (8-е издание, Нью-Йорк: издано «Норт Американ Ривью», 1889 г.), стр. 442

⁵⁷ Джон Уисли Хилл, «Авраам Линкольн — человек от Бога», (4-е издание, Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз», 1930 г., стр. 306.

⁵⁸ Карл Сэндберг, «Авраам Линкольн — годы в прериях» (Нью-Йорк, «Харкорт, Брейс и Ко.», 1926 г., I, 199, 200.

⁵⁹ «Нью-Йорк Таймс Магазин» 6 февраля 1949 г., стр. 11

⁶⁰ «Авраам Линкольн» в поэтических произведениях Уильяма Каллена Брайнта, отредактировано Парке Годуином (Нью-Йорк, «Д. Эпплтон и Ко.», 1883 г.), II, 151.

⁶¹ Цитата из «Дэйли Иллинойс Стейт Джорнал», 15 ноября 1858 г., стр. 1, кол. 1

⁴⁶ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁴⁷ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 5 марта, 1861 г., стр. 5, кол. 4.

⁴⁸ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 3, кол. 2

⁴⁹ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2

⁵⁰ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2.

⁵¹ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁵² Халстед, цитата, стр. 149-51

⁵³ «Полное собрание сочинений Уолта Уайтмана (Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз»), 1902 г., II, 244.

его растущей славе. В «других штатах» говорилось, что «он не только... непревзойденный оратор, сильный в дебатах, проникательный в своей логике и мышлении, с превосходной силой слова и изобилием ресурсов, которые всегда проявляются в одинаковой степени независимо от события, а его верность, искренность, честность целей, великодушие ...закрепили за ним славу государственного деятеля, которым могут гордиться Республиканцы всего Союза».⁶² В 1860 году в Нью-Йорке «сообщение о том, что Честный Авраам Линкольн из штата Иллинойс выступит с речью в Институте Купера... привлекло туда большое и восторженное собрание», и Вильям Каллен Брайант подумал, что осталось только «произнести имя Авраама Линкольна», которого раньше только знали «из-за его репутации», чтобы обеспечить «полное внимание».⁶³ Линкольн предстал перед тысячей людей по пути в Вашингтон: в Индианаполисе, Кливленде, Филадельфии, Олбани, Харрисбурге и других городах, его приветствовали с радостью. Все же «в общем», заметил Рэндалл, «нельзя сказать, что «он получал благоприятные отзывы в прессе» накануне вступления в должность. Кампания по назначению столицей города, где он родился, провалилась, таким предстал странный человек из Иллинойс перед страной, ему дали прозвище «простушка Сюзанна», «бабуин» и «горилла».⁶⁴ «Харперс Уикли» назвала его «Наш Президентский шут»⁶⁵, позже выпустив карикатуру на тему его секретного появления в Вашингтоне. «На нем была шотландская кепка в клетку и длинный военный плащ, поэтому его невозможно было узнать», - писали там.⁶⁶ Такие, как Стэнтон считали его «жалким лживым клоуном».⁶⁷ А корреспондент «Ассошиейт Пресс» Генри Виллард припомнил «его любовь к тихой манере разговаривать», и не смог себя убедить в том, что «этот человек имеет подлинное величие ума и сердечную любовь», признавая чувства «отвращения и унижения, которые вынужден испытывать человек, управляя судьбами великого народа».⁶⁸

Юг почти не испытывал желание узнать Линкольна «каким они должны были его знать», того Линкольна, который «хотел быть справедливым к Южанам, и как он сказал на Куперском Союзе в феврале 1861 года «не делайте ничего через страсть и раздражительность», «спокойно подумайте об их нуждах и признайте их», где

это возможно».⁶⁹ Юг уже все решил независимо от того, что сделал Север, чтобы снискать расположение Линкольна к ним, было достигнуто обманом. «С момента избрания Линкольна многие известные Аболиционистские газеты взяли на себя сложнейшую задачу примирить Южан с его Президентским правлением», заметил «Нью Орлинз Дейли Кресцент». «Достигнув успеха в избрании его Президентом, очернив и оклеветав Юг на протяжении долгих дебатов, без меры и причин, сейчас они заявляют о том, что г-н Линкольн очень хороший человек, дружелюбный, не жестокий в своих предубеждениях или пристрастиях, что он, напротив, очень скромный, спокойный, консервативный, и если только мы вступим под его управление на время, мы убедимся, что он станет одним из самых лучших Президентов, которые только были не только на Юге, но и в стране! «Не зайдешь ли ко мне в гостиную?», сказал паук мухе» «Господин Линкольн может быть всем, чем называют его все эти Аболиционистские журналы. Но мы не верим не единому их слову», - продолжил «Кресцент». - «мы полностью убеждены, что они нам лгут, чтобы обмануть жителей Юга для легкого воплощения своих эгоистических и предательских целей. Они знают, что не смотря на избрание Линкольна Президентом, он еще не Президент Соединенных штатов, и они достаточно проникательны, чтобы знать, что серьезные сомнения существуют где бы он не был. Шансы, что он не станет им, если только Юг успокоиться...»⁷⁰ Для Юга было проще видеть Линкольна, как стереотип «радикального Аболициониста», «Обезьяны из Иллинойс», «Предателя своей страны». Затем также побег через штат Балтимор ночью мог «не разбудить самое плохое чувство неуважения к личности г-на Линкольна по всей стране, особенно на Юге».⁷¹

Так появился Линкольн, который «без поддельной скромности» описал себя по дороге в Вашингтон «самым скромным из всех личностей, которых когда-либо выбирали на пост Президента».⁷²

Сенатор Бейкер из штата Орегон прошел к платформе и объявил: «Уважаемые Граждане, представляю вам Авраама Линкольна, избранного Президента Соединенных Штатов Америки».⁷³

Линкольн «слился»⁷⁴ с толпой превосходным выбором одежды. На нем была новая высокая шляпа, новый черный костюм, черные ботинки, широкая белая манишка. С собой у

⁶² Там же, 12 ноября 1858 г., стр. 2, кол. 1

⁶³ «Нью-Йорк Таймс» 28 февраля 1860 г., стр. 1, кол. 1

⁶⁴ Рэндалл, цитата, I, 292.

⁶⁵ Том V, (2 марта 1861 г.), стр. 144.

⁶⁶ Там же (9 марта 1861 г.), стр. 160.

⁶⁷ «Дневник общественного деятеля», стр. 48, 49.

⁶⁸ «Воспоминания Генри Вилларда» (Бостон, «Хотон, Маффин Ко.», I, 144.

⁶⁹ Дж. Г. Рэндалл «Великая декларация верности Линкольна», «Нью-Йорк Таймс Магазин», 6 февраля 1949 г., стр. 11.

⁷⁰ «Саузерн Эдиториалс» по поводу сессии, стр. 229.

⁷¹ «Дневник общественного деятеля», стр. 46.

⁷² «Обращение к законодательной власти Нью-Йорка, в Олбани, 18 февраля 1861 г., «Полное собрание сочинений Авраама Линкольна», VI, 140.

⁷³ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁷⁴ Сандбург, «Годы войны», I, 122.

него была черная трость с золотой головкой размером в куриное яйцо. Он поднялся «шел не спеша и спокойно к столу и поклонился, отдав честь повторяющимся и восторженным приветствиям бесчисленной толпы перед ним. Надев очки, он положил рукопись на небольшой стол, удерживая бумагу с помощью своей трости».⁷⁵ Чистым голосом он начал говорить.⁷⁶

Соотечественники — граждане Соединенных Штатов!

В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления я предстою перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов.

Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было, и нет никаких разумных оснований. В действительности всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это.

Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и четкую резолюцию, которую я сейчас зачитаю:

«Решили, что сохранение нерушимости прав штатов и особенно права каждого штата устанавливать порядки в своих внутренних институтах и управлять ими исключительно по своему собственному разумению является существенно важным для того равновесия сил, от которого зависят совершенство и долговечность нашей политической структуры; и осуждаем незаконное вторжение вооруженных сил на землю любого штата или территории, под каким бы предлогом оно ни совершалось, как одно из самых тяжких преступлений».

Я вновь повторяю сейчас эти убеждения, и, делая это, я лишь привлекаю особое внимание общественности к самому убедительному из всех возможных в этом деле доказательств того, что собственность, мир и безопасность любого региона никоим образом не будут подвергаться опасности со стороны приступающей к своим обязанностям администрации. Я хочу также добавить, что любая защита, которую можно предоставить в соответствии с Конституцией и законами, будет предоставлена всем штатам, когда она будет законно востребована, по любому поводу и с одинаковой готовностью независимо от того, кем она запрашивается.

Много споров возникает относительно выдачи беглых слуг или работников. Статья, которую я сейчас зачитаю, записана в Конституции столь же понятно, как и любая другая:

«Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освобождаться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу». Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы данного положения создавали его для востребования обратно тех, кого мы называем беглыми рабами; но намерение законодателя — закон. Все члены Конгресса клянутся соблюдать Конституцию во всех ее частях, в том числе и это положение, как и всякое другое. Таким образом, предложение, что раб, чей случай подпадает под действие этой статьи, «будет выдан», получает единодушное одобрение, сформулированное в виде клятвы. Теперь, если бы законодатели приложили должные усилия, разве они не смогли бы с почти таким же единодушием выработать и принять закон, с помощью которого можно было бы надежно хранить эту единодушную клятву?

Имеются определенные расхождения во мнениях относительно того, кто должен обеспечивать соблюдение этой статьи — федеральные власти или власти штата, но эти разногласия, конечно же, не столь существенны. Если раб должен быть выдан, то для него или кого-либо еще вряд ли будет важно, какие власти сделают это. Но в любом случае следует ли удовлетвориться тем, что твоя клятва останется невыполненной из-за несущественного разногласия по поводу того, как ее надо соблюдать?

И опять, разве не следует в любой закон по этому вопросу внести все известные в цивилизованной и гуманной юриспруденции гарантии свободы, с тем, чтобы свободный человек ни в коем случае не был выдан как раб? И разве не стоит одновременно с этим обеспечить законом проведение в жизнь той статьи Конституции, которая гарантирует, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов»?

Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать

⁷⁵ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁷⁶ Текст инаугурационной речи, который используется здесь взят из книги «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 579 – 90.

Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил; и хотя я сейчас не называю конкретно те или иные законы Конгресса, которые следует проводить в жизнь, я настаиваю на том, что для всех, и для официальных и для частных лиц, будет гораздо безопаснее выполнять и соблюдать все те законы, которые продолжают оставаться в силе, чем нарушать любой из них, полагая найти себе оправдание в том, что, по его собственному разумению, они являются антиконституционными.

Семьдесят два года прошло со дня первой состоявшейся по нашей Конституции инаугурации президента. В течение этого периода пятнадцать различных в высшей степени выдающихся граждан один за другим осуществляли управление органами исполнительной власти. Они действовали вопреки многочисленным опасностям и, как правило, с большим успехом. И все же при всей масштабности прецедента сейчас я приступаю на короткий четырехлетний конституционный срок к исполнению той же задачи в крайне трудной и необычной ситуации. Раскол федерального Союза, выступавший доселе только как угроза, теперь предстает как устрашающая попытка осуществить его.

Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своем Основном законе положения о прекращении собственного существования. Продолжайте выполнять все четко выраженные положения нашей национальной Конституции, и Союз будет оставаться всегда, ибо его невозможно уничтожить иначе, как прибегнув к действию, не предусмотренному в самом этом документе. И опять, если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Одна сторона участница договора может нарушить его, т. е. разорвать, но разве не требуется согласия всех, чтобы законно отменить его действие?

Исходя из этих общих принципов, мы приходим к утверждению, что с юридической точки зрения Союз вечен, и это подтверждается историей самого Союза. Союз намного старше Конституции. Его фактическое существование началось с подписания Статей Ассоциации в 1774 году. Он окреп и продолжал развиваться с принятием Декларации независимости в 1776 году. Дальнейшее укрепление Союза, преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1775 году. И, наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз».

Но если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенен, чем до принятия Конституции, поскольку теряется жизненно важный элемент вечности.

Отсюда следует, что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер.

Поэтому, исходя из Конституции и права, я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах. Я полагаю, что поступить подобным образом просто мой долг, и я буду исполнять его, насколько позволят обстоятельства, пока мой законный хозяин, американский народ, не откажет мне в необходимых средствах или каким-либо властным образом не предпишет мне иное. Я надеюсь, что это будет расценено не как угроза, а всего лишь как объявленное намерение Союза защищать и охранять себя конституционными средствами.

При проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии, и их не будет, если их не навязжут общенациональным органам власти. Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственностью и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, также как и использовать силу против народа или в его среде, где бы то ни было. Если в каком-либо внутреннем районе страны враждебность к Соединенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам исполнять свои обязанности на федеральных постах, то в этом случае для решения возникшей проблемы не будут предприниматься какие-либо попытки навязать людям неприемлемых для них лиц со стороны. Даже если у правительства окажется юридически безупречное право применить силу, чтобы обеспечить исполнение упомянутых обязанностей, попытка добиться этого может стать столь невыгодной и к тому же почти неосуществимой, что, как я полагаю, лучше на какое-то время воздержаться от создания таких постов. Почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться во всех частях Союза. Всюду, насколько это возможно, люди должны чувствовать себя в той высшей степени безопасности, которая наиболее благоприятна, для того чтобы спокойно мыслить и рассуждать. Указанный курс будет последовательно проводиться в жизнь, если текущие собы-

тия и опыт не докажут уместность внесения в него корректив или изменений, и всякий раз в случае такой потребности я буду оптимально использовать свои полномочия, сообразовываясь с реально существующими обстоятельствами, имея в виду и надеясь, что тем самым будет достигнуто мирное урегулирование волнующих нацию проблем и будут восстановлены братские симпатии и отношения.

Я не стану ни утверждать, ни отрицать, что у нас кое-где есть люди, которые так или иначе хотят уничтожить Союз и рады любому предлогу, чтобы сделать это. Но если они существуют, мне нет необходимости обращаться к ним. Однако могу ли я не говорить с теми, кто действительно любит Союз? Прежде чем приступить к такому серьезному вопросу, как разрушение нашего государственного устройства со всеми его преимуществами, памятными событиями и надеждами, не следует ли уточнить, почему мы это делаем. Решитесь ли вы на столь безрассудный поступок, если есть все основания полагать, что любая часть бед, избегаемых вами, реально не существует. Возьмете ли вы на себя риск совершения столь ужасной ошибки, если неизбежные беды, к которым вы приближаетесь, более значительны, чем все реальные беды, от которых вы убегаете?

Все публично заявляют о своем удовлетворении Союзом при условии соблюдения в нем всех конституционных прав. Правда ли тогда, что кому-либо отказано в каком-либо четко записанном в Конституции праве? Думаю, что нет. К счастью, человеческий разум устроен так, что ни одна из сторон не осмелится на это. Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было бы отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены им содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запретами, что относительно них никогда не возникает споров. Но ни в каком Основном законе невозможно сформулировать положение, применимое к любому конкретному случаю, который может возникнуть в практике управления. Никакой провидец не может предугадать все вопросы будущего, и никакой документ разумного объема не может содержать верные ответы на все возможные вопросы. Кто должен выдавать беглых рабов — власти федерального центра или штата? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли Конгресс запретить рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли Конгресс защищать рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного.

Вокруг вопросов такого рода возникают все наши конституционные мифы, и мы разделяемся в отношении к ним на большинство и меньшинство. Если меньшинство не будет соглашаться, то большинство должно согласиться или же правительство должно уйти в отставку. Другой альтернативы нет, ибо, оставаясь у власти, правительство солидаризируется с одной или другой стороной. Если меньшинство в таком случае отколется от большинства, скорее чем согласится с ним, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откатываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно отколоться снова точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава? Все, кто сейчас питает чувства разобщения, воспитываются точно в таком же духе. Существует ли среди штатов, собирающихся создать новый союз, такое совершенное тождество интересов, которое будет порождать только гармонию и не допустит нового раскола?

Ясно, что центральная идея сторонников раскола — это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего, не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме.

Я не забываю о занимаемой некоторыми позицией, согласно которой конституционные вопросы должны решаться Верховным Судом, и я ни коим образом не отрицаю, что выносимые им решения должны в любом случае быть обязательными для сторон, как в отношении судебной тяжбы, так и в отношении предмета этой тяжбы и что всем другим органам власти надлежит относиться к ним в высшей степени уважительно и учитывать во всех аналогичных случаях. Конечно, не исключено что такое решение по какому-нибудь конкретному делу может оказаться ошибочным, однако в силу того, что вытекающие отсюда пагубные последствия ограничены этим отдельным случаем, а решение может быть аннулировано, так и не став прецедентом для других дел, у него есть все шансы оказаться меньшим злом, чем те беды, которые породила бы иная практика.

В то же время честный гражданин должен признать, что если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим весь народ, надо окончательно закрепить решениями Верховного Суда, то, как только эти решения бу-

дут приняты в обыкновенной судебной тяжбе между сторонами с личными исками, народ перестанет быть своим собственным правителем, поскольку в данных пределах он практически передаст свою исполнительную власть в руки этого выдающегося трибунала, и в этом суждении нет никаких нападок на суд или судей. Решать дела подаваемые в суд, должным образом — их обязанность, от исполнения которой они не могут уклониться; и не их вина, если кто-то стремится использовать их решения в политических целях.

Одна часть нашей страны считает, что рабство — правое дело и его следует распространять, в то время как другая считает, что это зло и его не следует распространять. Это единственный спор по существу. Статьи Конституции о беглых рабах и закон, направленный на прекращение зарубежной работорговли, соблюдаются, пожалуй, столь же добросовестно, как и любой другой закон в обществе, где моральные устои людей таковы, что они ошибочно поддерживают сам закон. Основная часть народа соблюдает беспристрастное правовое обязательство в обоих случаях, но некоторые нарушают и то и другое. Подобное положение, на мой взгляд, невозможно исправить до конца, и в обоих случаях после распада частей он может стать еще хуже, чем прежде. Зарубежная работорговля, к настоящему времени ликвидированная не до конца, была бы в конечном счете восстановлена без каких-либо ограничений в одной части, тогда как беглые рабы, выдаваемые сегодня лишь в отдельных случаях, не выдавались бы другой частью вообще.

Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить части нашей страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу, и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужеземцам проще заключать договоры, чем друзьям вырабатывать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужеземцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете военные действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: На каких условиях строить взаимоотношения.

Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его. Я не могу не обратить

внимания на тот факт, что многие достойные и патриотично настроенные граждане очень хотят, чтобы в национальную Конституцию были внесены поправки. Не давая никаких рекомендаций относительно поправок, я в то же время считаю важным сказать, что полностью признаю законные полномочия людей по всей совокупности данной проблематики, которые они могут осуществить любым способом, указанным непосредственно в этом документе.

И в данных обстоятельствах мне следует не противодействовать, а способствовать тому, чтобы люди могли пользоваться справедливо предоставленной им возможностью влиять на ход событий в этом деле. Осмелюсь добавить, что я бы предпочел согласительный метод, поскольку в этом случае поправки могут исходить непосредственно от самого народа, в отличие от того, когда ему позволено лишь принимать или отвергать исходящие от других предложения, которые не вырабатывались специально для решения данного вопроса и которые могут не соответствовать его желанию одобрить или отвергнуть их. Насколько мне известно, через Конгресс прошла предложенная к Конституции поправка — которую, однако, я еще не видел — имеющая своей целью не допускать никакого вмешательства федерального правительства в деятельность внутренних институтов штатов, включая институт находящихся на официальной службе лиц. Дабы избежать неправильного толкования того, что я сказал, я отступаю от своего намерения не говорить о конкретных поправках лишь для того, чтобы сказать, что в применении этого положения к подразумеваемому в данном случае конституционному закону я не возражаю против придания ему недвусмысленного и необратимого характера.

Президент Соединенных Штатов получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручалось ставить условия разведения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придет к такому решению. Но президент как таковой к этому не имеет никакого отношения. Его обязанность — руководить существующей системой управления в том виде, в каком она досталась ему, и передать ее не ослабленной своему преемнику.

Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения? Есть ли в мире лучшая или хотя бы равная этой надежда? В условиях нынешних разногласий какая из сторон не верит в свою правоту? Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению этого великого суда американского народа.

В рамках системы правления, при которой мы живем, этот самый народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения подобного и столь же мудро предусмотрел возвращение этого

немногого в свои собственные руки через очень короткие интервалы. И пока народ будет сохранять свое достоинство и бдительность, никакая администрация, при всей ее порочности или глупости, не сможет причинить очень серьезный вред системе правления за короткий четырехлетний срок.

Мои соотечественники, каждый и все вместе, спокойно и основательно обдумайте все стороны этой проблемы. Мы не потеряем ничего ценного, если не будем торопиться. Если имеется цель, побуждающая кого-либо из вас к опрометчивым действиям, к тому, чтобы в горячей спешке совершить поступок, на который вы никогда не пошли бы преднамеренно, то эта цель останется невыполненной, если вы не будете спешить, но доброй цели не может помешать неторопливое обдумывание. При всей вашей неудовлетворенности нынешним положением у вас всё еще есть старая, но по-прежнему сильная Конституция, а по чувствительному вопросу — законы, созданные вами в ее рамках; к тому же у новой администрации не будет полномочий, да и желания, немедленно менять какой-либо из них. Даже если допустить, что вы с вашей неудовлетворенностью стоите в этом споре на правой стороне, все равно для успешных действий нет ни одной уважительной причины. Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности.

В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не моих — важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на нас. Вы не получите конфликта, если не нападете первыми. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой поддерживать, охранять и защищать её.

Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их. Тайные струны памяти, протянувшиеся от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, все же звучат единым хором Союза, когда к ним снова прикоснутся лучшие ангелы нашего естества, и это непременно произойдет.

В нем было «больше от Эвклида, чем от Демосфена»⁷⁷, его подача не была подачей блестящего оратора, агитатора или демагога. Его голос был тенором, который «плохо вытягивал мелодии песен, но имел четкие и привлекающие модуляции».⁷⁸

Когда он говорил, как обычно был немного «напуган»,⁷⁹ он «был бледен и очень нервничал»⁸⁰ по поводу этого события, но его «веселый настрой можно было увидеть»⁸¹ «Вынужденный по природе говорить медленно»,⁸² его манера была «неторопливая и выразительная»⁸³, а его голос «отличительно чистый и проникновенный».⁸⁴ Его голос немного выдавал тот страх, который мог появиться из-за знания о том, что были сделаны «многочисленные ставки» на его безопасность.⁸⁵ Некоторые из очевидцев отметили «громкий и четкий голос, достаточно понятный, по крайней мере тем десяти тысячам людей, стоящим внизу»,⁸⁶ другие посчитали его «чистым и звонким голосом, который легко было услышать всем, стоящим по краям толпы»,⁸⁷ другие отметили его «твердые нотки голоса», его «отличительную неторопливость и точность ударений».⁸⁸ Сэндберг должно быть заметил, что это отдавалось «эхом и достоинством».⁸⁹

Когда Линкольн продолжал читать свою речь, аудитория слушала с уважением, с «напряженным интересом, сменяющимся почти гнетущей неподвижностью»⁹⁰ В толпе, позади выступающего, сидел Горейс Грили, с момента на момент ожидающего выстрела ружья.⁹¹ в какой-то момент ему показалось, что он прозвучал. Выступающий сделал паузу. Но это был лишь зевака, упавший с дерева.⁹² А в остальном, толпа внизу «вела себя очень хорошо»⁹³ Бьюкенен сидел, слушая и «смотря прямо перед собой на носок своего правого ботинка».⁹⁴ Дуглас, сидевший с правой стороны от Линкольна, слушая «внимательно», показывая, что он был «непременно доволен», «воскликая вполголоса «хорошо», «да, это так», «без принуждения» и «Снова хорошо».⁹⁵ Верховный Судья Тейни «не сводил глаз с господина Линкольна в течение всей речи».⁹⁶ Господин Каме-рое стоял спиной к Президенту, напротив Ду-

⁷⁹ (У. Х. Херндон и Дж. У. Вэйк), «Херндонская жизнь Линкольна», вступительное слово и комментарии Пола М. Эндрю (Кливленд, «Уолд Пабблишинг Ко.», 1949 г.), стр. 220.

⁸⁰ «Дневник общественного деятеля», стр. 74.

⁸¹ Переписка «Цинцинатти коммерциал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁸² Херндон и Вэйк, цитата, стр. 273.

⁸³ «Нью-Йорк Трибьюн» 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 4.

⁸⁶ «Нэшнал интеллидженсер» 5 марта 1861 г., стр. 3, кол. 3.

⁸⁷ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁸⁸ Переписка «Цинцинатти коммерциал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁸⁹ Сэндберг, «Годы в прериях», I, 306.

⁹⁰ Фредерик У. Сьюард, Сьюард в Вашингтоне в качестве Сенатора и Министра (Нью-Йорк, «Дерби и Миллер», 1891 г.), I, 516.

⁹¹ Грилей, цитата, стр. 404.

⁹² «Дневник общественного деятеля», стр. 74.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁷⁷ Рэндалл, цитата, I, 49

⁷⁸ Сэндберг, «Годы прерий», I, 305.

гласа «вглядываясь в толпу».⁹⁷ Сенатор Сьюард и другие избранные члены Кабинета правительства «держались поодаль».⁹⁸ Сенатор Вигфалл из Техаса, со скрещенными руками стоял «облокотившись в дверях Капитолия», слушая инаугурационную речь, с «презрением, демонстративным неповиновением и усмешкой на лице, его пантомимическая поза выражала те слова, которые он произнес в Сенате: старый Союз – это мертвец, и вопрос в том, как его бальзамировать и организовать должным образом похороны».⁹⁹ Терлоу Уиид отошел от толпы, доложив Генералу Скотту, стоявшему на вершине склона «Инаугурация прошла успешно». Старый генерал воскликнул: «Слава Богу! Хвала Господу!»¹⁰⁰ Корреспондент газеты, который наблюдал за этой сценой, увидел «правильность и нарастающий интерес, который наполнил огромную толпу собравшихся» и «произвел впечатление на каждого, кто имел возможность наблюдать за этой сценой».¹⁰¹ Толпа «аплодировала, не умолкая» и «временами восторженно»,¹⁰² особенно в тех местах, когда он «заявил о своей непреклонной цели выполнять закон и конституционный долг».¹⁰³ Когда Линкольн заявил, что «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен», «приветствия были энергичными, искренними и долгими».¹⁰⁴ А слова: «Я буду заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах», встретили «громкими приветственными криками».¹⁰⁵ Но «самое яркое впечатление произвела финальная часть его речи, а именно призыв»,¹⁰⁶ – заметил один из репортеров. «С великой торжественностью удара, используя жесты, чтобы добавить важности своим словам», Линкольн заметил: «Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой поддерживать, охранять и защищать её». Толпа разразилась «повторяющимся приветствием раунд за раундом».¹⁰⁷ Наконец, после того, как Линкольн произнес «слова любви к присутствующим», заканчивая свою речь, «мужчины махали шляпами и разрази-

лись искренним выражением восторга и радости. Удивительная определенность [*соответствует источнику*], самоуверенность и возвышенный дух патриотизма, который насытил всю речь, произвел впечатление на каждого слушателя, в то время как очевидная искренность, прямота, честность и мужественность господина Линкольна вынуждала даже его врагов на похвалу».¹⁰⁸ «Общий эффект от Инаугурации на страну придется подождать и собрать из многих источников», – заметил один из репортеров, – «но уже всеми признано, что эффект от этого события уже заметен, судя по огромному числу собравшихся здесь, а ощущения настроения здесь в высшей степени счастливые, радость со всех сторон».¹⁰⁹ Верховный Судья Тейни выступил вперед, съездившийся, пожилой с трясущимися от эмоций руками, и подал открытую Библию. Линкольн положил на нее левую руку, поднял правую руку и повторял клятву «громким, но спокойным голосом»:¹¹⁰ «Я торжественно клянусь, что я буду честно исполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и сделаю все возможное, чтобы поддерживать, сохранить и защитить Конституцию Соединенных Штатов». Теперь Линкольн стал президентом. Толпа внизу «бросала вверх шляпы, вытирала глаза от слез, кричала, что есть мочи, приветствовала возгласами до хрипоты». И если бы толпа не была такой плотной, она бы продемонстрировала свою радость, удовлетворение и восторг более живо».¹¹¹ На холме артиллерия выстрелила салют в честь шестнадцатого президента Соединенных Штатов.¹¹² Толпа рассеивалась, а Линкольн ехал по Пенсильвания-авеню с Бьюкененом, с которым он попрощался у ворот Президентского особняка.¹¹³

Обращение заняло тридцать шесть минут, и сейчас уже все закончилось, по крайней мере до тех пор, пока страна замерла в ожидании. Линкольн готовил эту речь шесть недель и многие годы, думая, наедине с самим собой, прибавив к этому его опыт агитационных поездок по стране. Также, как и другие его речи: «Дом разделенный» и «Обращение к Союзу Купера», эта речь была тщательно и детально подготовлена, постоянно редактировалась вплоть до самого момента выступления. «В конце января», он сказал своему партнеру по юридическим делам Герндону, что он «был готов начать»¹¹⁴ подготовку к Инаугурации. В комнате над магазином, напротив Здания Парламента, отрезанный от внешних вмешательств и обще-

⁹⁷ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сэндберг, «Годы войны», I, 123.

¹⁰⁰ Сьюард, цитата, стр. 516, 517.

¹⁰¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

¹⁰² «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰³ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

¹⁰⁴ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁵ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Чикаго Дэйли Трибьюн» 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁹ «Чикаго Дэйли Трибьюн» 9 марта 1861 г., стр. 3, кол. 2.

¹¹⁰ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Сэндбург, «Годы войны», I, 122.

¹¹³ Барингер, цитата, стр. 334.

¹¹⁴ Херндон и Вэйк, цитата, стр. 386.

ния, он начал свою подготовку. Он сказал о работах, которые он хотел бы почитать в качестве консультации: «Великое выступление Генри Клей в 1850 году; заявление Эндрю Джексона против Нуллификации; а также копия Конституции». «После» он запросил копию ответа Вебстера Гейне, речь, которую он назвал «великим образцом Американского ораторства».¹¹⁵ «С этими несколькими «томами» и больше никакими другими источниками»¹¹⁶ он начал свою работу над выступлением.

2 февраля 1861 года он написал своему другу Джорджу Д. Прентису,¹¹⁷ редактору «Луисвилл Джорнал»: «Я набросал черновик этого документа, но учитывая постоянные изменения ситуации, мне придется попридержать его, потому что понадобится вносить коррективы вплоть до самого выступления».¹¹⁸ Оригинал черновика был напечатан владельцем «Иллинойс Стейт Джорнал», которому он передал рукопись.¹¹⁹ «Кажется, больше никто не вошел в доверие господина Линкольна настолько, чтобы ознакомиться с содержанием этого документа до отъезда в Вашингтон 11 февраля».¹²⁰ Приехав в Индианаполис, он показал копию О. Г. Браунингу, который сопровождал его от самого Спрингфилда. Согласно Браунингу, «до прощания с господином Линкольном в Индианаполисе, во вторник, он дал мне копию своей инаугурационной речи, попросил прочитать и высказать свое мнение, что я и сделал. По моему мнению, речь была сильной, продуманной и уместной, так я ему и сказал. Я посчитал ее достойным восхищения документом. Он разрешил мне оставить копию за обещание не показывать ее никому кроме Миссис Браунинг».¹²¹

По приезду в Вашингтон, Линкольн отдал копию Секретарю Сьюарду с тем же предложением высказать критику.¹²² По словам Луиса А. Уоррена, «на сколько мы знаем, только эти двое принимали все решения по поводу конкретных изменений копии оригинала»,¹²³ хотя даже несколько еще человек могли видеть ее.¹²⁴

Репортеры проявили яркий интерес к подготовке к Инаугурации, иногда допускали неточности в своих репортажах на разных этапах подготовки к событию. Записывая, чем занимался Президент субботним вечером 2 марта один репортер ошибочно заметил: «Господин Линкольн послал за Секретарем Сьюардом, а в 11 1/2 этот джентльмен приехал в гостиницу. Господин Линкольн впервые зачитал ему Инаугурационную речь и спросил его мнения. Сьюард проанализировал абзац за абзацем и искренне согласился с большей ее частью. Он предложил несколько изменений, немного исправлений и добавил несколько абзацев – все было принято господином Линкольном. После чего Сьюард назвал Инаугурационную речь полностью готовой и великолепной, и удалился».¹²⁵ В воскресенье репортер отметил, что «Господин Линкольн сегодня вечером сказал о том, что Инаугурационная речь не готова для печати, т.к. некоторые моменты нужно будет изменить в зависимости от действий Сената сегодня вечером. Его сын сейчас переписывает копии того, что уже готово, одна из которых будет передана в «Ассошиэтид Пресс», когда он начнет ее читать».¹²⁶ В тот же день были «репортажи о попытках в высоких кругах убедить президента смягчить тон инаугурационной речи, но нет подтверждения тому, что они удались».¹²⁷

Последний репортаж о подготовке к Инаугурации содержит описание утра 4 марта: «Господин Линкольн проснулся в 5 часов. После раннего завтрака его сын Роберт громко зачитал ему Инаугурационную речь, после чего были добавлены завершающие штрихи, включая красивый, будоражащий заключительный абзац».¹²⁸

Как заметил Дж. Г. Рэндалл «если кому-нибудь пришлось справедливо оценить первый президентский государственный документ Линкольна, это инаугурационное выступление 1861 года заслуживает быть зачитанным, как это было в первый раз, выигрывая перед вариантами, которые Линкольн вычеркнул во время редактирования. Заявления торжественного обещания сохранить Федеральную власть были смягчены и сокращены, убрали резкость, а обещания примирения и согласия были эмоционально подчеркнуты».¹²⁹ Господин Браунинг предложил «только одно изменение», по мнению некоторых источников, «самое важное во всем документе».¹³⁰ Господин Сьюард внес двадцать три предложения по улучшению документа и девятнадцать из них были приняты, восемь были использованы после того, как господин Лин-

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Линкольн Лор, №308 (4 марта 1935 г.).

¹¹⁸ Луис А. Уоррен «Первоначальный оригинал черновика первой Инаугурационной речи», Линкольн, №358 (17 февраля 1936 г.).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Дневник Орвил Хикман Браунинг, отредактировано с вступительным словом и комментариями Теодора Калвина Пиза и Джеймса Г. Рэндалла (Спрингфилд, Иллинойс, Государственная Библиотека Истории Иллинойса, 1925 г.), I, 1850-1864, 455, 456.

¹²² Сьюард, стр. 512.

¹²³ Линкольн Лор, №358.

¹²⁴ Джон Г. Николэй и Джон Хэй, Авраам Линкольн, История (Нью-Йорк, «Сенчури Ко.», 1914 г.), III, 319, Николэй и Хэй отметили, что «Судья Дэвид Дэвис прочитал это, когда был в Спрингфилде», а «Фрэнсис П. Блэр, Ст., прочитал это в Вашингтоне, не предложив никаких изменений».

¹²⁵ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

¹²⁶ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2.

¹²⁷ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 4 марта 1861 г., стр. 5, кол. 1.

¹²⁸ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр.1, кол. 1.

¹²⁹ Рэндалл, цитата, I, 309.

¹³⁰ Уоррен, цитата.

колья отредактировал их, а шесть были полностью отвергнуты».¹³¹ И наконец, Линкольн «сам без участия кого-либо внес шестнадцать изменений в черновик оригинала».¹³²

Итак, как бы страна не критиковала изученную от и до Инаугурационную речь, Линкольн мог дать ответ и объяснить, также как он это сделал для Дугласа, который поддразнивал его в 1858 году, говоря, что речь «Дом разделенный» была «явно хорошо подготовлена и внимательно написана»,¹³³ «Я признаю, что так и было. Я не мастер языка, у меня нет хорошего образования;...Я знаю, что я имел в виду, и я не оставлю этот народ в сомнении».¹³⁴

Линкольну не пришлось долго ждать ответа от всей страны. Когда он выступал с речью, небольшие группы, которые нельзя было увидеть возле выступающего, собирались на территории, вокруг газетных офисов, ожидая телеграфных репортажей об Инаугурации. Между Вашингтоном и Нью-Йорком Американская Телеграфная компания отдала в распоряжение «Ассошиэтид Пресс» три кабеля для передачи выступления.¹³⁵ Подобные приготовления были проведены в главных городах. Выступление с Инаугурационной речью началось в 13:30, по Вашингтонскому времени, а «телеграфы с точностью до минуты» стали передавать его. «Первые слова Обращения были получены агентом «Пресс» в 13:45, а последние около 15:30», написал «Нью-Йорк Таймс».¹³⁶ «Такая скорость телеграфной связи никогда не была до этого отмечена в этой стране».¹³⁷ К четырем часам дня «весь документ был передан различным газетам»,¹³⁸ и читатели получили в руки специальные издания прессы в течение одного часа. «Люди всех партий в этом городе, также как и в других городах, простояли весь день на цыпочках, чтобы услышать о том, что происходит в Вашингтоне, а особенно хотели услышать, что же скажет Президент Линкольн в своей инаугурационной речи», написала газета «Нью-Йорк Таймс».¹³⁹ «Передали, что процессия приблизилась к Капитолию, а затем, пока Президент выступал с речью, корреспонденты передавали ее по телеграфу, был долгий период ожидания. В то время, мужчины разговаривали, собравшись многочисленными группами, обсуждали различные вопросы, связанные с

сегодняшним событием, перед небольшими группами глазующих слушателей. Среди них было много предсказателей, не безызвестных, до того, как Послание было получено, которые знали, что именно будет содержаться в нем. Они также предсказывали с потрясающей точностью те вопросы, на которых господин Линкольн остановится.

«Было уже около пяти часов, когда красноречие этих знаменитостей неожиданно стало угасать с появлением еще влажных листов последнего издания с Инаугурационной речью Президента белым по черному, внезапно появившихся из под прессов прямо в руки тех, кто мог достать копии. Затем началась дикая толкучка вокруг стоек издательств, оплата нескольких пенни и быстрое стягивание газет, после чего толпы стали рассеиваться. Каждый спешил найти место подальше от толпы, где бы смог внимательно прочитать документ в спокойной обстановке. Мальчишки, разносившие газеты, пробежали по городу, крича громкими голосами: «Послание Президента!», «Речь Линкольна!», «Газета «Таймс» только что со станка!», «Читайте про Инаугурацию-ю!»». Час спустя все уже прочитали Послание и обсуждали его».¹⁴⁰

В Маттуне, штат Иллинойс, разыгралась подобная сцена. Проезжий репортер, направляясь из Чикаго, наблюдая за реакцией народа, проезжал «по городу» и останавливался в холлах гостиниц, в которых речь еще на свеженпечатанных страницах «зачитывалась, перечитывалась, громко и про себя, группами пылких слушателей... По мере зачитывания речи для слушающих, когда читающий доходит до места, в котором господин Линкольн «опускает ногу вниз на землю», все слушающие делают тоже самое по кругу».¹⁴¹

Земляки, с которыми Линкольн нежно попрощался три недели назад, были одними из самых беспокойной невидимой аудиторией. В виду того, что они говорили только за себя во время отъезда, сейчас они готовы были говорить от имени всей страны. «Инаугурационное обращение нашего замечательного Президента наэлектризовало всю страну», говорили они. «Обращение удовлетворило все стороны, которые любили Союз и жаждали его сохранения. В этом городе оно дает почти повсеместное удовлетворение».¹⁴² В Квинси, одно из мест дебатов в 1858 году, обращение было встречено с «большим энтузиазмом», а Республиканское военное отделение выстрелили в тридцать четыре ружья»,¹⁴³ в Пеории «желание услышать, что сказал господин Линкольн было таким огромным, что люди приехали за сорок миль, что-

¹³¹ Уоррен, цитата.

¹³² Там же.

¹³³ Речь Сенатора Дугласа в Чикаго, 9 июля 1858 г., во время политических дебатов между Авраамом Линкольном и Стивеном А. Дугласом, вступительная часть Джорджа Хавена Путнама (Нью-Йорк, «Дж. П. Путнам Санз», 1913 г.), стр. 24.

¹³⁴ Речь в ответ Дугласу в Чикаго, Иллинойс, 10 июля 1858 г., «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 392.

¹³⁵ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 8, кол. 5.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 8, кол. 4, 5.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 3.

¹⁴² «Иллинойс стейт джорнал», 6 марта 1861 г., стр. 2.

¹⁴³ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 6 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

бы получить копии этого послания»,¹⁴⁴ читая его «с большим энтузиазмом».¹⁴⁵

Но были и несогласные голоса в родных местах, в Демократической прессе, что было характерно для всего Севера. В то время, как «Чикаго Дэйли Трибьюн» был «почти убежден, что невозможно найти ни одного документа среди Американских государственных бумаг, объединяющего оправданную мудрость и высший патриотизм, вдыхая более добрые чувства во все разделы страны».¹⁴⁶ «Чикаго Таймс» осудила Инаугурационную речь, назвав ее «несвязанным, расчлененным, беспорядочным предприятием», подведя итог, что Союз теперь «был безнадежно потерян».¹⁴⁷ В то время, как «Нью-Йорк Таймс» заметил, что «консерваторы в восторге от Инаугурации», что «ее примирительный тон, искреннее заявление о преданности всей стране задело сердца многих людей, которые до этого были против господина Линкольна».¹⁴⁸ «Нью-Йорк Геральд» нашел, что «речь не является непродуманной, изобилующей обманом и хитростью. Она несет черты нерешительности, и в тоже время выраженную тенденцию ограничения свободы... Она и неоткровенна, и неподобающая государственному деятелю; она не несет никакого достоинства или патриотизма. Она бы заставила Вашингтона стонать, вызвала бы у Джефферсона, Мэдисона или Джексона презрение к власти».¹⁴⁹ Некоторые в Мэйне считали ее «жалким, слабым, низкопробным предприятием, позором для страны, и соответствующие замечания относительно фанатизма и некорректности, которые сделали его Президентом».¹⁵⁰ Некоторые в Пенсильвании считали ее «одним из самых неумело составленных государственных документов, которые когда-либо существовали», и «жалко-извиняющейся для подъема Республиканской партии и его собственных выборов в Президенты».¹⁵¹ И были такие в Огайо, «кто никогда не ожидал увидеть Чернокожего Республиканца мирно инаугурированного в этой стране Белокожих республиканцев... но сейчас Рубикон уже позади» и Инаугурационная речь, «как и ее выдающийся автор прочно стоит на ногах». «Она более выразительна по звучанию, чем по стилю, пахнущая порохом, и «ограничением свободы повсюду», в понимании Юга».¹⁵² «Это интересное исследование», написал жур-

нал «Дуглас», Пеорийский «Дэйли Демократик Юнион», 7 марта, «просматривать различные издания, которые вышли с момента Инаугурационного выступления Президента Линкольна, и отмечать различную манеру и тон освещения этого события». «Вся критика, высказываемая в адрес Обращения, не может быть верной, т.к. есть существенное расхождение во взглядах, и этот факт совершенно явно говорит о том, что некоторые из этих критических замечаний, являются плодом предубеждений, либо были написаны людьми, которые не могут оценить заслуг этого первого государственного документа Президента Линкольна».¹⁵³

При этом существовала разница во мнениях на Севере, по большей части ограничивающейся сильным осуждением. Однако, Юг не возлагал больших надежд на Линкольна, и высказывался на эту тему соответственно. «Инаугурационное обращение господина Линкольна перед нашими читателями», — написал «Ричмонд Инквайэр», — «составленное бесстрастным, спокойным, обдуманном языком фанатика, ставящей целью преследовать принципы фанатизма, даже вплоть до разъединения Правительства с угрозой Гражданской войны... Гражданская война должна сейчас произойти. Территориальная война, провозглашенная господином Линкольном, ожидает только сигнального выстрела от обиженной Южной Конфедерации, чтобы разжечь свой ужасный огонь вдоль всех границ Виргинии».¹⁵⁴ «Ричмонд Диспатч» был одинаково сильным в высказываниях: «Обращение Авраама Линкольна инаугурирует гражданскую войну, как мы и предполагали с самого начала... Меч вынут, а ножны выброшены... эпохами Виргиния может быть вовлечена в битву жизни и смерти...»¹⁵⁵ «Балтимор Сан» отметил, что «Инаугурация, по большому счету, дышит духом беспорядков», и добавил, что «дух Союза в ней отсутствует».¹⁵⁶ «Мы предполагаем, что никто не удивлен услышать, что Сецессионисты считали Инаугурационную речь «Декларацией войны», — заметил один из обозревателей. «До того, как Инаугурационное обращение было прочитано в каждом Южном Штате, оно было передано по телеграфу из каждой точки Юга «декларацией войны»».¹⁵⁷ Я слышал только одно выражение намерений господина Линкольна: «контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также соби-

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

¹⁴⁷ Цитата Рэндалл, стр. 306.

¹⁴⁸ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 4.

¹⁴⁹ Цитата в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 6, кол. 6.

¹⁵⁰ Союз Бэнгор, согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 8 марта 1861 г., стр. 6, кол. 5.

¹⁵¹ «Филадельфия Ивнинг Джорнал», согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 3.

¹⁵² «Кливлэнд Плейндилер», согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 9 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

¹⁵³ Цитата в «Нозерн Эдиториалс» о Сецессии, редакция Ховарда Сесил Перкинса (Нью-Йорк, А. Эпплтон Сенчури Ко., 1942 г.), II, 643.

¹⁵⁴ Цитата в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 2, см. также "Саузерн Эдиториалс" по поводу Сецессии, стр. 474, 475.

¹⁵⁵ «Саузерн Эдиториалс» по поводу Сецессии. стр. 475

¹⁵⁶ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1.

¹⁵⁷ «Нью-Йорк Таймс», 7 марта 1861 г., стр. 4, кол. 2.

рать пошлины и налоги», – заметил специальный корреспондент в Ричмонде. Инаугурационная речь «была встречена с осуждением» и «считалась, если не объявлением войны, то, по крайней мере, выражением намерения удерживать отделяющиеся Штаты в соответствии с потребностями Федерального Правительства».¹⁵⁸ Сообщая из Чарльстона, штат Северная Каролина, другой корреспондент заметил, что «Часть, которая несомненно привлекла всеобщее внимание, и постоянно перечитывалась, была той, где господин Линкольн объявляет, что всеми силами будет заботиться согласно своей клятве и Конституции о том, чтобы «законы Союза честно соблюдались во всех Штатах» и, что он будет использовать ту власть, которая была ему доверена, чтобы «контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги». По словам этого корреспондента, вердикт был таков, что «восстание не будет воспринято мягко господином Линкольном, и, что он был человеком совершенно другого сорта, чем Джеймс Бьюкенен».¹⁵⁹ По крайней мере, меньшинство населения Юга ответили менее яростно. Время от времени какой-нибудь путешествующий репортер, слоняющийся среди толп Южных городов, отмечал меньшую ярость. Из Монтгомери пришло сообщение, что Александр Стивенс нашел Инаугурационное обращение «самым искусным Государственным документом, который когда-либо был опубликован на Континенте» и «было произведено огромное моральное впечатление».¹⁶⁰ и в Чарльстоне, и в Монтгомери. В Саванне, штат Джорджия, «еще не слышали ни одного слова, опубликованного, против тона обращения», – заметил один из корреспондентов, предвещая «мощный и сметающий эффект на Юге».¹⁶¹ Иногда корреспонденты отмечали «достаточно общее разочарование, что в документе было так мало «крови и грома».¹⁶² «То, что документ должен иметь спокойный тон с чувством достоинства и стиля, логическим в своих выводах, простым и добрым в обращении с важными вопросами дня, раздражало мятежников, которые надеялись найти провокацию на экстремальные действия в этом обращении».¹⁶³

Пока вся страна читала это обращение и реагировала как одобрительно, так и отрицательно. Сенатор Клинтман штата Северная Ка-

ролина и Стивен А. Дуглас были вовлечены в дебаты по поводу его значения в Сенате Соединенных Штатов. «Если я понимаю правильно, все в нем достаточно прямолинейно. Я имею в виду, что причина, которая явно выделяется, является той, которая должна повлечь за собой войну – войну против конфедеративного или отделяющегося штата»,¹⁶⁴ – заметил Клинтман. Дуглас, с другой стороны, который «прочитал обращение внимательно» не мог «согласиться с утверждением» сенатора из Северной Каролины, считающий, что он мог «показать, что нет основания для страха, который распространился по всей стране о том, что это послание является эквивалентом объявления о войне».¹⁶⁵ В то время, пока страна искала в Инаугурационной речи идеи, которые в ней содержались, она изучала и оценивала язык и стиль, в котором она была написана. «Торонто Лидер» не понравился «безвкусный и кричащий стиль школьника», даже не смотря на то, что он «оценил» документ за его «хороший смысл».¹⁶⁶ Обозреватель из Олбани, штат Нью-Йорк, нашел, что «бессмысленно критиковать стиль Инаугурационного обращения Президента, когда политика, которую она провозглашает, преисполнена такими важными последствиями». Однако, при всем том, он остановился на его описании как «бессвязной, непоследовательной, сомнительной, слабо-построенной, обрубленной речи». Обращение состояло из «невыразительного риторического содержания».¹⁶⁷ В то время, как недружелюбно настроенные к Линкольну газеты называли речь «неполноценной в части изложения, ясности, энергичности, таланта и всех умений составления по сравнению со всеми другими документами такого плана, которые когда-либо были написаны Президентом Республики».¹⁶⁸ Газеты, которые были дружелюбно настроены нашли недостаток в другом. «Совершенно ясно, как вода в горном ручье», – прокомментировал репортер из Детройта, что «ее глубина и течение видны с первого взгляда».¹⁶⁹ В Бостоне репортер «Транскрипт» прокомментировал длину обращения: «Стиль обращения характеризуется также как его настрой. Нужные слова в нужном месте, это требование хорошей риторики. Правильные слова в правильное время, должны быть образцом, по которому оценивают речь государственных деятелей, и это испытание было вы-

¹⁵⁸ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 2.

¹⁵⁹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶⁰ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 12 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 11 марта 1861 г., стр. 6, кол. 2.

¹⁶² «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ «Конгресснэл Глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, том 30, часть II, стр. 1436.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 3.

¹⁶⁷ Атлас Олбани и Аргус, согласно цитате в «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 628.

¹⁶⁸ Джерси Сити Американ Стэндрд, цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

¹⁶⁹ «Дитройт Дэйли Трибьюн», цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

держано Обращением Линкольна. В нем нет ни одного подстрекательного слова протяжении всей речи, состоящей из четких и ясных утверждений. Язык на уровне народного сознания – простой, обычный, примитивный язык человека, который привык разговаривать с «народом» и «соседями», язык человека, имеющего необходимый здравый смысл, чьи слова с точностью соответствуют его фактам и мыслям». ¹⁷⁰ Иногда заключительный абзац выделялся для похвалы. В Индианаполисе репортер «Дэйли Джорналз» заметил, что «заключительное предложение, единственная попытка риторического проявления во всем Обращении, является необыкновенно и почти поэтически красивым». ¹⁷¹

Часть II

Учитывая обстоятельства, которые способствовали концентрации внимания на Инаугурационной речи, отодвинув во времени те страсти, которые бушевали в стране, что можно сказать о выступлении Линкольна 4 марта 1861 года? Историки достаточно часто анализировали обращение на предмет его влияния и пришли к выводу, что «несмотря на то, что в то время оно не нашло признания, это была одна из самых великих Американских инаугураций». ¹⁷² А литературный критик как-то высказался о последнем абзаце как о поэтической красоте и бессмертной ценности. В отличие от историка, мы ни на чуть не обеспокоены Инаугурационной речью, как силой в формировании Американской культуры, как и не обеспокоены ее бессмертной ценностью в литературе. Инаугурационное обращение было той речью, которая «должна была быть услышана и должна была оказать влияние любого рода на тех, кто ее услышал», ¹⁷³ или тех, кто прочитал ее. Мы должны быть задуматься над оценкой Инаугурационного обращения как речи, средства отличающегося от других, со своими особенностями. Мы должны быть задуматься над открытием в данном конкретном случае «доступных средств убеждения» и оценкой их ценности.

Давайте посмотрим на Инаугурацию, как общение, с целью и содержанием, предположительно созданным в помощь достижения той цели, далее поддержанной умелым сочетанием слов, и объединенной характером и манерой человека, который выступил с ней. Мы не должны безосновательно предполагать, что цель Линкольна легко различима в цере-

монии как таковой. Конечно, правда то, что это была инаугурационная церемония с ритуалом, достаточно хорошо установившимся пятнадцатую предшественниками, «Тем не менее, со всем этим объемом прецедента», Линкольн знал, что он приступил к таким же обязанностям «во время великих и особенных сложностей. А распад Федерального Союза, который до этого только был угрозой, сейчас значительно наступал». Если мы разглядим цель, которая была у Линкольна, когда он обращался к Американской нации 4 марта 1861 года, мы сможем вспомнить опыт государства в период между его избранием в президенты и днем его инаугурации. В течение этого периода, он прекрасно знал о негодовании Юга по поводу «разделенного» президента. Стремительное движение Сецессионистов последовало сразу же после объявления о его выборе и о власти Республиканской партии. Юг рассматривал Республиканскую платформу как инструмент своего «подчинения» и «полного распада своих социальных, политических и промышленных институтов». ¹⁷⁴ Своими действиями сецессии и провозглашением своего собственного временного правительства, дальний Юг поднял очень важный вопрос: «Каковы полномочия федерального правительства в отношении поддержания своего существования и требования вернуть ту федеральную собственность, которая принадлежит вышедшим из Союза членам?»

Линкольн также был прекрасно осведомлен о сомнениях и скептицизме, которые существовали у большинства относительно его способности быть лидером своей партии и страны. «Я не могу не знать, о чем вы все знаете», - заметил он по дороге в Вашингтон, - «что без имени, возможно без причины, зачем мне нужно имя, на меня свалилось задание такого рода, которое не оставило в покое даже Отца этой Страны...» ¹⁷⁵ В добавок ко всему, он был хорошо осведомлен о том, что и Север, и Юг не доверяли его моральному духу и порядочности. Даже для членов своей партии он был «забавным», героем историй с плохим вкусом, шутником из Иллинойса. Для Юга он был в лучшем случае таким же радикалом, как самый яростный из Республиканцев левого крыла, следовательно «опасным человеком». ¹⁷⁶ Он был в курсе превалирующих мнений о нем, как кто-то случайно заметил одно высказывание по пути в Вашингтон, когда на секунду, его обращение было потеряно.

¹⁷⁰ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1.

¹⁷¹ Цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 619.

¹⁷² Дж. Г. Рэндалл, «Великая декларация верности Линкольна», «Нью-Йорк Таймс Магазин», 6 февраля 1949 г., стр. 23.

¹⁷³ Вэйланд М. Парриш и Мари Хочмут Никольс, «Речи Америки» (Нью-Йорк, Дэвид МакКей, 1954 г.), стр. 3.

¹⁷⁴ «Нью Орлинз Дэйли Кресцент», 13 ноября 1860 г., цитата из «Саузерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 237.

¹⁷⁵ «Обращение к законодательной власти Огайо в Коламбус, 13 февраля 1861 г.», «Полное собрание сочинений», VI, 121.

¹⁷⁶ «Речь Сенатора Клингмана из Северной Каролины в Сенате», 3 декабря 1860 г., «Конгрешнэл Глоуб», второе заседание, 36 Конгресс, том 30, стр.3.

Взволнованно ища его, он описал инаугурационное обращение как «мое удостоверение моральной репутации, написанное мной же».¹⁷⁷

Не смотря на то, что с момента его избрания он был вынужден высказать свое мнение по поводу происходящего, Линкольн хранил молчание, и то, что оно не было вызвано отсутствием желания было яснее ясного. «Были сделаны намеки», – заметил он по пути в Вашингтон, – «на интерес относительно политики новой администрации. В этом вопросе от некоторых я получил степень доверия за хранение молчания, а от других осуждение. Я по-прежнему считаю себя правым...

«В различных и постоянно меняющихся сценах настоящего, и без прецедента, который смог бы мне помочь оценить прошлое, кажется соответствующим, что прежде чем говорить о проблемах страны, я должен был получить полную картину, чтобы быть свободным в изменении курса политики, так как будущие события могут сделать это изменение необходимым.

«Я хранил молчание не из-за желания настоящих волнений».¹⁷⁸

Какова тогда была цель Линкольна? Ясно то, что он намеревался использовать инаугурацию для объявления позиции Республиканской партии относительно Юга, объявить свое обдуманное мнение относительно целесообразных вопросов, появившихся из-за движения сецессионистов, и в целом, дать ту уверенность, которую он мог, своей личной порядочности.

Оценивая Инаугурационное обращение, мы должны помнить о его цели, проконтролированный Линкольном выбор материала для этой речи, его состав, стиль и манера.

Давайте обратимся к самой речи, чтобы остановиться на тех материалах и методах, которые он использовал для поддержания своей цели. Принимая во внимание, общее предрасположение Юга рассматривать приходившую администрацию с подозрением, и учитывая тот факт, что Линкольн не выступал за свою собственную партию с момента своей номинации, он посчитал нужным найти момент «обратить внимание народа на самое убедительное свидетельство, по которому это дело было легко-допустимым.», идея целостности Республиканской партии и его собственная порядочность как рулевого. Мудрая оценка немного могла определять иное, для дальнего Юга, вышедшего частично из Союза, не ожидавшего должного рассмотрения от новорож-

денной партии, а приграничные штаты обдумывали подобные меры. Линкольн попытался примирить свою аудиторию, убеждая страну в том, что «собственность, мир и безопасность любой территории не будет подвергаться опасности со стороны приходящей к власти Администрации». В доказательство он напомнил о том факте, что он принял торжественную клятву «в вашем присутствии», он снова пообещал уже сказанными словами,¹⁷⁹ «которые уже существовали и были доступны для проверки»; о Республиканской платформе, обращаясь к «сохранению ненарушения прав Штатов, особенно права каждого штата управлять и контролировать свои внутренние институты исключительно согласно своим собственным решениям»¹⁸⁰, и о положении «просто сформулированном в Конституции» относительно выдачи беглецов «должны быть выданы по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу»¹⁸¹ Он завершил свое вступление повторением признания, что он принес «официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил». Это был не материал и не метод «лживого» или «опасного» человека. Этим Линкольн пытался вызвать те положительные реакции, которые возникают с появлением честности, прямоты, повиновения Конституции. Необходимо помнить, что клятва Линкольна в верности не удовлетворила группу Аболиционистов в составе его родной партии, с которой его постоянно ассоциировали на Юге, однако, это отличало его от радикального элемента и воодушевило штаты, которые еще оставались в составе Союза. С точки зрения убеждения Линкольн поступил несомненно мудро, воспользовавшись советом Сьюарда: опустить два абзаца, следующих сразу после вступления в оригинале черновика Инаугурации:

Чем больше современная традиция избрания Президента на основе ранее объявленных принципов аннулируется, тем больше необходимость заново формулировать эти принципы в обращении такого рода. На простой основе веры тот, кто таким образом избран является несвободным, чтобы изменить свою позицию. Это непосредственно относится, если не провозглашается, что в его оценке, платформа, которую он принимает, не привязывает его ни к чему неконституционному или нецелесообразному. Избранный на Чикагской платформе, и пока я ничего не повторю из стремления или эпитета, или вопроса мотива против любого человека

¹⁷⁷ Вард Хилл Ламон, «Воспоминания Авраама Линкольна», 1847 – 1865 г., редакция Дороти Ламон Тейллард (Округ Вашингтон, опубликовано редактором, 1911 г.), стр. 36.

¹⁷⁸ «Обращение к законодательной власти Огайо в Коламбус, 13 февраля 1861 г.», «Полное собрание сочинений», VI, 121, 122.

¹⁷⁹ «Ответ господина Линкольна», первые совместные дебаты, Оттава, 21 августа 1858 г., политические дебаты между Авраамом Линкольном и Стивеном А. Дугласом., стр. 209.

¹⁸⁰ Халстед, цитата стр. 138.

¹⁸¹ Статья IV, раздел 2.

или партии. Я считаю себя связанным долгом, и заставляю следовать в рамках исполнительной сферы тем принципам, которые там провозглашаются. Никаким другим способом я не смог бы соответствовать разумным ожиданиям нашей страны».¹⁸²

Использование этих абзацев побудило бы новое подозрение того, что он едва был «секционным» Президентом, «Аболиционистом» или «партийцем».

Проведя время в попытках настроить публику на внимательное слушание его обращения до конца, следующий вопрос, к которому обратился Линкольн был тем, ответа на который ожидала вся страна, а именно: «Какова ответственность и политика Республиканской администрации в отношении Сецессии? Без замедления он высказал предложение: «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления, затем «что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер. Далее больше: «если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании?»

Для Севера простое утверждение принципов вечности было бы достаточно, никаких больших доказательств не требуется. Но для дальнего Юга, который уже вышел из состава Союза, и для приграничных штатов, а также верхнего Юга, обдумывающего такие же действия, было очевидно, что одного утверждения недостаточно. Тем не менее, Линкольн считал, что его заявление «подтверждается самой историей Союза». По его замечанию, «Союз намного старше Конституции», он был «осно-

ван Статей Ассоциации в 1774 году», он «окреп и преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1775 году. И, наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз». Не смотря на то, что поддержка его заявления была фактическая, факты сами по себе несли уважение и верность, которые всегда были присущи отцам основателям, к которым питали уважение из-за их предвидения и мудрости. Провозгласив принцип, который наставлял его, Линкольн продолжил логически применять его, настаивая, что «исходя из Конституции и права, я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах».

В обсуждении политики правительства откровенно ужесточения законов Союза, Линкольн говорит не как хозяин или простой адвокат, выносящий бесстрастное решение, а как слуга, выполняющий «простое задание», «Американский народ мои законные хозяева». Обладающий искусством убеждения, он неизменно знал, что слова аргумента часто столкнутся с различными ответами, в зависимости от того, в пользу чего они выставлены теми, к кому есть сочувствие или антогония.¹⁸³ ни в одной части Инаугурации Линкольн не ищет тщательнее быть располагающим и спокойным. Он знает, что приверженность букве закона сама по себе не поможет выполнению его цели. Он мог бы использовать твердое и уверенное заявление, которое содержалось в оригинале черновика Инаугурации:

Все полномочия, имеющиеся в моем распоряжении, будут использованы для изъятия обратно народной собственности и мест, которые сдались, для их контроля, проживания и владения ими, и всей остальной собственности и территорий, принадлежащих правительству, для сбора налогов и пошлин, но не выходя за рамки недопустимого, пытаясь выполнить эту задачу, не вторгаясь на территории других штатов.

Даже в оригинале черновика Линкольн избегал использования имен конкретных фортов, на которые он ссылался. Пикенс и Самтер находились в сомнительном положении, являясь взрывоопасным предметом для обсуждения. Однако, Линкольн шел на уступки еще дальше относительно своих горячих высказываний,

¹⁸² Для изменений в Инаугурационной речи смотрите раннюю публикацию с воспроизведением изменений и сопроводительным письмом Джона Хэй к Чарльзу Элиоту Нортону от 25 марта 1899 г., объясняющего суть изменений, Библиотека Вайднера Гарвардского университета. Смотрите также Дж. Г. Николэй и Джон Хэй, Авраам Линкольн, III, 327-344; Луис Уоррен «Первоначальный оригинал черновика первой Инаугурационной речи», Линкольн № 358 (17 февраля 1936 г.) и № 359 (24 февраля 1936 г.). см. Коллекцию Роберта Тодда документов Авраама Линкольна, Библиотека Конгресса. Микрофильм в библиотеке университета Иллинойс. Данная коллекция содержит самый важный источник различных рабочих страниц Инаугурационной речи.

¹⁸³ Роберт К. Мертон, «Массовое убеждение», (Нью-Йорк, «Харпер и Бразерс», 1946 г.), стр. 109.

приняв предложение О. Х. Браунинга, окончательно остановившись на таком варианте:

Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, также как и использовать силу против народа или в его среде, где бы то ни было.

Далее, «если где-то враждебность к Союзным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам исполнять свои обязанности на федеральных постах» он не будет предпринимать попытки «навязать людям неприятных для них лиц со стороны», «Даже если окажется юридически безупречное право». «А почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться». Он убедил страну в том, что «при проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии», и пообещал, что «их не будет, если их не навяжут общенациональным органам власти». Ни в одном месте Линкольн не провозгласил силу, которую он считал невозможными для ужесточения мер, или которая могла быть воспринята как «ущемление свободы» в своей самой твердой и воинственной форме.

Объявив о своей конкретной политике, Линкольн обратился к тем, «кто действительно любил Союз», не признавая, но и не отрицая, что были такие, «кто действительно хотел разрушить Союз при любом исходе событий», «радостные от любого предлога сделать это». В своем оригинале черновика он намеренно выделил: «Перед тем, как приступить к такому важному делу, как уничтожение нашего национального союза, не будет ли мудрым поразмыслить зачем мы это делаем?» В своем окончательном варианте черновика он, однако, опустил слово "Союз", заменив его обобщенным и фигуральным словом «устройство», далее вставив слова «со всеми своими преимуществами, памятливыми событиями и надеждами», чем хотел повысить восприятие, предложив соответствующее отношение.

Оставив позади наивысшую точку своего заявления, Линкольн двинулся дальше во второй половине своего выступления к обоснованному обсуждению соответствующих тем. Он отрицал, что все права, изложенные простым языком, были нарушены, заметив, что большинство и меньшинство появляются в результате такого рода вопросов, на которые нет конкретных конституционных ответов. Альтернатива принятия «принципа большинства» была всегда либо «анархией или деспотизмом». Даже Высший Суд не мог выступать в роли по-

следнего арбитра по вопросам «влияющим на весь народ», если только не ограничивался принятием решений по конкретным «вопросам, которые были представлены Суду должным и правильным образом», «люди подчинились своим собственным меркам». Он оспорил влияние сессии, противопоставив ее обычному разводу между мужем и женой, которые могут остаться «за пределами досягаемости друг друга», и подвел итог, что «физически мы не можем разойтись». Даже война не была удовлетворительным решением проблем, т.к. «нельзя постоянно воевать», и после «многочисленных потерь обеих сторон, никто не выиграет», «подобные старые вопросы» снова придется решать. «Эта страна со всеми своими институтами принадлежит народу, который Ее населяет», — настаивал он, заявляя, что когда весь народ, — «вырастет заслуживающим существующего правительства, он может применять свои конституционные права изменять их или свои революционные права по исключению их из состава или свергнуть их». Обращение Линкольна на протяжении всей речи было для «терпеливой веры в справедливость народа». «Есть ли лучшая или равная надежда в мире?», — спросил он, даже когда отметил человеческую тенденцию партий в спорах настаивать с одинаковой уверенностью быть «правым». Поднявшись до положения лидера, он искал веру в высший закон и незаинтересованного Правителя «Если всемогущий правитель народа с его внутренней правдой и справедливостью был на вашей стороне Севера или на вашей стороне Юга, та правда и та справедливость конечно бы преобладали, судом этого великого трибунала, Американского народа».

Линкольн завершил свое обращение словами вызова и провозглашением веры. «В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не моих — важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на нас». Он собирался приступить к клятве, для него клятва была торжественным обещанием, не только словами, но и правдой. Она была свидетельством морали, связывающая его не только обязанностями перед людьми, но и перед Богом, «Всемогущий Правитель Народа». «Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления», — поклялся он в попытке обезопасить вмешательство тех, кто мог помочь ему в выполнении клятвы, которую он принимал. «Пока я буду поддерживать, охранять и защищать её». Его последнее обращение было больше к чувствам, чем к разуму. Он безошибочно осознал, что когда люди не могут достичь сути через мотивацию, они могут достичь этого посредством чувств. «Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанно-

сти, они не должны разрывать их». Уже не адвокат и даже не президент, выполняющий официальные обязанности, Линкольн, послушав совета Сьюарда, стал любящим отцом, великодушным и верящим советником, которому доверяли не только по причине, но вспоминая, «струны памяти», «могилы патриота», «живому сердцу и домашнему очагу», «лучшие ангелы нашего естества», звучат единым хором Союза.

При этом рассерженные возможно «нашли слишком большую часть аргументированного обсуждения этого проблемного вопроса, как и ожидалось от человека с полностью адвокатской карьерой»¹⁸⁴, очевидно, что другие не могли не заметить, что Линкольн доблестно искал пути применения «всех возможных средств убеждения». Он хотел достучаться до своей аудитории не только через причину, но и через чувство и через силу своих собственных нравственных идеалов.

Любой справедливый критик, отстраненный от страстей того времени, должен был больше согласиться с теми обозревателями того дня, которые считали, что Инаугурационная речь соответствовала «требованиям хорошей риторики», содержа в себе «правильные слова в правильном месте»¹⁸⁵, чем с теми, кто назвал речь «слабой риторической вещью», и посчитали ее неполноценной в части изложения, ясности, энергичности, таланта и всех умений сооставления по сравнению со всеми другими документами такого плана, которые когда-либо были написаны Президентом Республики»¹⁸⁶. Тот, кто изучает изменения фразы и слова в различных черновиках Инаугурационной речи, должны знать, что Линкольн был обеспокоен не только использованием правильного аргумента, но и осторожным использованием слов, с целью достичь желаемого результата от своих слушателей и потенциальных читателей. Что касается раторов, стиль не является аспектом языка, который может рассматриваться отдельно или оцениваться только хорошо отлаженной машиной. Также неуместно применять такие слова, как ясность, чистота, простота в качестве абсолютной величины, или правильного описания стиля. Слова «доступные средства убеждения», и единственный законный вопрос, который возникает: «Эффективно ли Линкольн использовал слова для достижения своей цели?»

Несмотря на жалобы Линкольна о том, что у него «не было хорошего образования» или, что он не владел «мастерством языка»,¹⁸⁷ он

имел врожденное чувство языка. Он «занимался, чтобы точно понять суть вопроса», - сказал один из его ранних учителей, - «и выражать его правдиво и выразительно». Я знал, что он занимался часами, самый лучший способ из трех для выражения идеи».¹⁸⁸ А когда его партнер, Херндон, попытался произнести помпезную речь, Линкольн иногда комментировал: «Билли, не стреляй слишком высоко, меть ниже, и простые люди поймут тебя. Они те, к кому ты обращаешься, по крайней мере, они те, к которым ты должен обратиться. Образованные и рафинированные люди поймут тебя в любом случае. Если ты будешь метиться слишком высоко, твои идеи пройдут мимо голов народа, и ударят в голову тех, кому это и не надо».¹⁸⁹ Линкольн стал знатоком агитационных речей и знал, как использовать язык, чтобы выразить свои мысли ясно и точно. Он знал силу языка, при помощи которой можно зажечь страсти и затуманить понимание, это достаточно видно в его замечаниях в Индианаполисе по дороге в Вашингтон. «Соломон говорит, есть время для того, чтобы промолчать», - заметил он, - «когда мужчины ожесточенно спорили месяцами без уверенности, что они говорят об одном и том же, используя то же слово, результат был бы таким же, если бы они просто молчали. Слова «ограничение свободы» и «вторжение» очень широко сейчас используются, и часто с некоторой эмоциональной окраской и горячо. Давайте убедимся, если сможем, что мы не путаем значения этих слов, исходящих от тех, кто их использует. Давайте проверим точное значение этих слов, но не из словаря, а от самих мужчин, которые искренне выражают те вещи, о которых они говорят, используя эти слова».¹⁹⁰ Линкольн точно знал, что слова сами по себе были основанием для спора, системы отношений, предлагающих курс действий».¹⁹¹ Также Линкольн знал, что его «друзья боялись», а «те, кто не был его другом, надеялись, что забыв о достоинстве его положения и о событии, он перейдет в разряд рассказчиков, и у него не получится подняться до необходимого уровня государственного деятеля».¹⁹² Желание ясности, желание соответствующее страсти, желание провозгласить целостность и достоинство подобающее государственному деятелю на ответственном посту - все это были те факторы, которые повлияли на Линкольна при составлении Инаугу-

¹⁸⁸ Херндон и Вэйк, цитата стр. 99

¹⁸⁹ Там же, стр. 262.

¹⁹⁰ «Обращение к законодательной власти в Индиане, Индианаполис, 12 февраля 1861 г.», Полное собрание сочинений, VI, 112, 113.

¹⁹¹ Кеннет Берк, «Две функции речи», Язык мудрости и ошибок», редакция и вступительное слово Ирвинга Дж. Ли (Нью-Йорк, «Харпер энд Брозерс», 1949 г.), стр. 40.

¹⁹² Л. Е. Читтенден, Воспоминания об Аврааме Линкольне и его правлении» (Нью-Йорк, «Харпер энд Брозерс», 1904 г.), стр. 88.

¹⁸⁴ «Дневник общественного деятеля», стр. 75.

¹⁸⁵ «Бостон Транскрипт» согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1

¹⁸⁶ «Джерси Сити Стэндард» согласно цитате в «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

¹⁸⁷ Речь в ответ Дугласу в Чикаго, Иллинойс, 10 июля 1858 г., «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения, редакция Роя П. Баслера, стр. 393.

гурационной речи, и оценка его стиля без постоянного осознания их скорее всего может увести критика очень далеко. Давайте проанализируем стиль Линкольна, как систему символов, разработанных для вызова конкретных образов, благоприятных для достижения его цели, и пока у него это получалось, и предотвращение других образов от пробуждения.

Одна из самых ярких характеристик стиля Линкольна это его прямота. С помощью этой черты он пытается достичь откровенности и честности, которые в высшей степени чрезвычайно важны для успеха Инаугурационной речи, учитывая сомнения и подозрения, которые были распространены о его порядочности. С самого первого слова до вывода была заметна безошибочная честность и прямота, которые содержались в его личном обращении. «Я предстаю перед вами, — заметил он, — чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов». Он снова замечает: «У меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует». «Я сейчас повторю эти идеи»,¹⁸⁹ «Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок», ««Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления», «пока я буду поддерживать, охранять и защищать её». Прямо и откровенно на протяжении всей речи, он едва бы мог добавить еще слова, которые смогли бы лучше подчеркнуть его честность и порядочность.

Какие сомнения были относительно несоответствия требованиям из-за его простого происхождения и недостатка образования должно быть каким-то образом рассеялись под влиянием его прямоты, точности, освобождения от неловких выражений или простых идиом Западного оратора-агитатора. Линкольн чувствовал свои недостатки, выступая перед образованной Восточной публикой в Купер Союзе, и чувствовал себя неуверенно. В своей Инаугурационной речи, подготовленной для аудитории, представлявшей всю страну, он был осторожен и очень внимателен к использованию языка, что приравнивалось к достоинству. Сьюард, который иногда славился своей отполированной речью, немного помог ему в выборе точных слов. Линкольн принял изменения в таких словах, как «уступать» вместо «подчиняться», «учреждать» вместо «создавать», «пустота» вместо «ничего», «отклонять» вместо «отказываться», он также согласился изменить фразу «неполностью поддерживает сам закон» вместо «выступает против самого закона». Хотя изменения и незначительные, они отражают желание Линкольна достичь правильности и краткости. По его лич-

ному мнению, он удалил одну очень длинную метафору, которая есть в оригинале черновика. «Я больше за старый корабль и команду старых моряков», — написал он в первоначальной версии обращения с характерной ему некоторой остротой, обращаясь к Западной аудитории. «Однако, если люди хотят новый или отремонтированный корабль, то дело исключительно их собственное, и они могут переехать в собственное жилье, с моим или без моего разрешения, как представителя исполнительной власти». Этот образ не был равен по своей высоте остальным его замечаниям. Окончательный вариант его выступления был следующим: «Я не могу игнорировать тот факт, что многие почетные и патриотичные граждане испытывают желание изменить национальную конституцию. Пока я не делаю никаких заявлений по подобному изменению, я полностью осознаю правомерную власть народа по всему вопросу....». Подобное построение фразы, простое в своем достоинстве, несомненно более подходило и соответствовало его нуждам.

То, что Линкольн искал контроля над поведением своей аудитории и читателями через подходящие слова достаточно ясно, судя по его обращению. Временами даже уровень конкретности, обычно считающийся эффективностью стиля, менялся в пользу более общего слова или намека. Например, Линкольн изначально намеревался сказать: «почему Южная Каролина не может через год или два самостоятельно выйти из состава Южной Конфедерации...?» Наконец, однако, ему удалось избежать конкретики, изменяя свои высказывания «почему любая из составляющих новой конфедерации, через год или два, не может добровольно снова выйти из состава...?» Предложение: «Союз менее совершенный, чем до Конституции, потерявший жизненно-важный элемент своей вечности. Линкольн иногда выбирал более длинные выражения, жертвуя четкому, подобранному слову или фразе, если, используя длинные выражения, он мог избежать грубости или обвинения, указывая пальцем. Такая фраза, как «быть на вашей стороне Севера или на вашей Юга», достаточно помогла создать образ справедливости, и была предпочтена более короткой, но вызывающей разногласия фразе, «быть на нашей стороне или вашей». Те изменения, которые Линкольн внес в отношении полноты, жертвуя краткостью, были разработаны с целью помочь в точности, и законченности, т.к. страна ожидала от него полного выступления по волнующим вопросам того времени.

Заключительная часть обращения Линкольна, часто упоминаемая из-за своей поэтической красоты, отражает не только его эстетический вкус, но и его власть над использо-

ванием слов для пробуждения образов, способствующих контролю над ответной реакцией, что возможно имеет более важное значение. Как хорошо известно, Линкольн даже и не пытался быть красноречивым в заключительной части обращения. Он достиг красноречивой и ритмичной красоты через свою прямую попытку быть «откровенным в своих чувствах». Сьюард напомнил ему, что причину возможно необходимо заменить на чувства, и предложил потенциальный вариант заключительной части:

«Я заканчиваю. Мы не являемся, мы не должны быть чужими или врагами, а коллегами и друзьями и братьями. Хотя страсти и очень ослабили узы нашей привязанности, они не должны быть разрушены. Тайные струны памяти, протянувшиеся со всех битв с каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, гармонизируют в их старинной музыке, когда ангел-хранитель нации прикасается к ним»¹⁹³.

Образ огромной искренности, огромной скромности и огромной веры образовался, когда Линкольн перефразировал предложение Сьюарда в своем собственном стиле. Это было его окончательное заявление веры, в котором была эмоциональная напряженность, зачастую сопровождаемая надеждой на что-то, но неизвестное. Это был его последний призыв к действиям, подходящий для «друзей».

Давайте подведем итог наших выводов о стиле Линкольна, выделив то, что он содержал в себе ту же самую целенаправленность, характеризующую аргументы, содержащиеся в обращении. Все это удавалось через прямоту, точность, достоинство и подходящие слова, которые он находил себе в помощь для достижения своих целей.

Еще одно из средств убеждения необходимо отметить, а именно его манеру устного выступления. Выступление Линкольна, конечно, было выдающимся в основном для тех, кто составлял его близкое окружение, и не очень для большей аудитории по всей стране, за исключением случаев, когда очевидцы и газетные статьи создавали впечатления, имеющие отношение к характеру и личности выступающего. Несомненно, является правдой то, что манера Линкольна в большой степени повлияла на благоприятный исход этого события. Даже будет правдой то, что если бы целая страна там присутствовала, то она бы нашла еще больше оснований для доверия. Мораль-

ная концепция часто показывает себя не только в выборе аргумента или составления слов, но и в тех «эхах и оценках», которые появляются только от физического присутствия. «Если мне бы пришлось составить самый краткий список характеристик оратора», заметил однажды Эмерсон, «я бы начал с мужественности и, возможно, в данном случае это означает наличие разума»¹⁹⁴. Необходимо помнить, что когда Линкольн поднялся на платформу для выступления с Инаугурационной речью, он сделал это при угрозе своей жизни. То, что он не проявил почти никакого страха ясно из всех газет того дня. Самое обычное наблюдение было: «великое сердце и добрая душа этого человека были видны в самом начале его обращения в тоне его голоса, выражении его лица и всей манере»¹⁹⁵. По мнению многих он «получил уверенность от своих слушателей и закрепил их уважение и признание»¹⁹⁶. Линкольн имел чувство коммуникации, полного осознания того, что он говорит, когда он говорил это. Его мысль появлялась точной и никоим образом не вызвала препятствий со стороны его странной манеры. С достоинством и решительностью, сопровождающихся мягкостью и скромностью, он пытался усилить свой призыв при помощи этих сил, которые были в его личности. То, что они имели стимулирующее значение, никто не может сомневаться.

Через тридцать дней после того, как Линкольн выступил со своей Инаугурационной речью, произошло нападение на Форт Самтер. Началась Гражданская Война. Линкольн пытался спасти Союз осторожно подобранным аргументом, уважением к чувствам и правам всего народа и торжественным провозглашением справедливости и целостности. То, что Инаугурация сама по себе могла бы предотвратить войну не является достаточным основанием для ее осуждения за абсурдность. «В ораторском искусстве также как и в жизни, не ошибка, а заниженная цель являются преступлением»¹⁹⁷. Было много различных сил, которые получили толчок к тому времени, когда Линкольн выступил с обращением к Американской нации. Юг принял основную мысль его вызова «В Ваших руках, мои недовольные друзья, а не в моих судьбоносный вопрос Гражданской Войны».

¹⁹⁴ «Риторика», «Полное собрание сочинений Ральфа Уолдо Эмерсона (Нью-Йорк, Салли и Кляйнтайк, 1875 г.), VIII, 123.

¹⁹⁵ Читтенден, цитата.

¹⁹⁶ Там же, стр. 90

¹⁹⁷ Парриш и Никольс, цитата стр. 12

¹⁹³ Факсимиле первоначального предложения Сьюарда согласно «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 589, 590.